

Алексей Живой

ИМЕРИЯ

Великий царь

Алексей Живой

Великий царь

Серия «Империя», книга 2

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169850

Империя: Великий царь: Ленинградское издательство; СПб.; 2008

ISBN 978-5-9942-0190-9

Аннотация

Тысячи воинов со всех концов своей необъятной империи собрал персидский царь Ксеркс и бросил их на покорение Греции. Однако у фермопильского ущелья его победоносное шествие остановили спартанцы. Горстка смелых воинов во главе с царем Леонидом, не испугавшихся несметных полчищ и не пожелавших сдаться на милость богоподобного властителя Персии.

Много дней идет жестокий бой и все спартанцы готовы умереть за свою родину, не сделав и шагу назад. Но, среди них есть один воин, – Гисандр, – а вернее Тарас Черный, боец спецназа «Тайфун», пару лет назад перенесшийся в эту эпоху. Только он один знает, что у Фермопил можно не просто умереть героем, прославив свое имя в веках. Только он один знает, что многотысячную армию персов можно победить. И только он один знает, как это сделать.

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	24
Глава третья	44
Глава четвертая	61
Глава пятая	79
Глава шестая	96
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Алексей Живой

Империя: Великий царь

Часть первая

Бог из машины¹

Глава первая

Мидяне

– Спартанцы! – выкрикнул бородатый всадник в чешуйчатом панцире, на боках которого играли солнечные блики, приблизившись к фаланге гоплитов. – Богоподобный царь персидской империи милостиво подарил вам четыре дня жизни, для того чтобы одуматься и сложить оружие. Но это время прошло. Каков будет ваш ответ?

Леониду не нужно было поворачиваться и осматривать пристальным взглядом лица своих бойцов, чтобы ощутить их решимость сражаться. Эта решимость жила в каждом из

---

¹ Deus ex machina (лат.) – Бог из машины – в древнеримских трагедиях в самый драматичный момент из специального приспособления – «машины», – появлялся бог, который резко изменял течение всего представления. С тех пор это выражение означает неожиданную развязку ситуации из-за вмешательства непредвиденных обстоятельств или высших сил.

воинов, составлявших фалангу спартанцев, что перегородила узкий фермопильский проход от края до края с самого рассвета. Все они монолитной стеной, подняв щиты и копья, встали на пути персидской армии. Был среди них и Тарас, принявший в этой жизни имя Гисандра. Он стоял во второй шеренге рядом с Эгором и Архелоном, рассматривая сквозь прорези шлема персидских солдат.

– Передай богоподобному Ксерксу, – медленно проговорил царь Спарты, прищурившись на солнце и осматривая конное войнство за спиной своего собеседника, – чтобы он отправлялся назад за море. И хотя здесь стоят не боги, а всего лишь свободные люди, Ксеркс не сможет здесь пройти, пока жив хотя бы один из нас.

– Тогда я, Тигран, из рода Ахменидов, – прорычал всадник, лицо которого исказила гримаса ярости, – предводитель войска Мидян², обещаю тебе, Леонид, что еще не успеет солнце пройти зенит, как твои кости будут глодать птицы-падальщики.

– К чему тратить драгоценное время, – ответил Леонид. Усмехнувшись и сжав копье, он добавил, спокойно взирая на всадника, гарцевавшего в двадцати шагах от строя спартанцев: – Веди сюда своих воинов и приготовь побольше могил, – немногие из них вернутся сегодня назад.

---

² Наиболее боеспособными частями в огромной и многонациональной сухопутной армии персидской империи царя Ксеркса были – сами персы, мидяне и бактрийцы. Во флоте – финикийцы и египтяне.

Раздавшийся вслед за этим хохот спартанских гоплитов окончательно вывел из себя Тиграна. Знатный перс хлестнул своего породистого скакуна и устремился назад, изрыгая проклятия на голову упрямых спартанцев.

А Леонид, уловив движение в строю персидских всадников, вооруженных луками, вскинул руку и крикнул, мгновенно заставив всех замолчать.

– Стрелы! Поднять щиты!

Не успел Тигран еще достигнуть строя своих всадников, как тысячи стрел взлетели в воздух и, затмив солнце, устремились на горстку спартиатов, словно разящие молнии.

Услышав команду царя, все спартанцы давно заученным движением мгновенно повалились на одно колено, прикрыв щитом голову и тело. Это случилось вовремя. Едва Тарас и стоявшие рядом с ним гоплиты выполнили приказ, как тысячи стрел забарабанили по медным щитам с изображением «Лямбды». Стрелы падали на них сверху, отскакивая от щитов, вонзаясь в расщелины каменистого плато, пригвождая к земле концы алых плащей, накинутых на плечи. Но спартанцы замерли, сгруппировавшись и не давая себя поразить.

И все же стрел было очень много, их зловещий свист не прекращался несколько минут подряд. Вскоре Тарас услышал позади себя приглушенный крик одного из бойцов. Осторожно оглянувшись, не опуская щита, он увидел, что персидская стрела поразила того в бедро. Раненый спарта-нец со злостью сломал оперение стрелы, оставив наконечник

в своей плоти. Тарас понимал, каково тому было: получить ранение, еще даже не выступив в бой! По опыту он знал, – этот парень ни за что не признает себя раненым и не попытается избежать драки. Даже наоборот, рана прибавит ему ярости. И горе тому персу, что окажется у него на пути.

– Атака! – скомандовал Леоднид, едва стрелы перестали свистеть над головами спартанцев.

Все гоплиты поднялись, образовав плотный строй. Никто не погиб, а раненых пока «не было». Конница отошла назад, и снизу приближались пешие воины персов с копьями наперевес.

Подняв щит повыше, и сжав покрепче древко копья, Тарас вглядывался в персов. Если не обращать внимания на численность наступавших, увиденное его не слишком испугало. На головах бородатых персов, точнее мидян, если верить их предводителю, были мягкие войлочные шапки. «Кажется, это называется тиара, – припомнил Тарас, – но от хорошего удара в голову она не спасет».

Тело укрывали пестрые хитоны, поверх которых блестели медные чешуйки – панцири с короткими рукавами. На ногах штаны, без всяких признаков поножей и кожаные сандалии. Вместо медных щитов персы легко несли плетеные, из-под которых виднелись колчаны с небольшим луком и стрелами. Каждый персидский пехотинец был вооружен копьем, которое показалось Тарасу гораздо короче собственного, а с правого боку у них виднелись не то короткие мечи, не то

кинжалы.

«Шлемов нет, – констатировал Тарас, чуть выставляя левую ногу вперед, прикрываясь щитом и поднимая острие копья, как сделали все, кто стоял с ним рядом в шеренге, – ноги тоже не защищены. Это хорошо. Коли куда угодно. А мы то вооружены гораздо лучше. Да и бегут они вперед, словно стадо баранов, значит, шанс есть».

– Держать строй, спартанцы! – рявкнул Леонид, поднимая копье вверх, когда до персов оставалось не больше тридцати метров, – беречь силы и помнить о ложном отступлении. Это только начало.

Тарас знал все маневры, которые они отрабатывали столько раз в строю, наизусть. Но все они выполнялись по команде. А до тех пор – бей и коли!

Он уже видел разъяренные лица и слышал крики мидян, подбадривавших себя гневными воплями. Авангард войска, пришедшего сейчас к Фермопилам, насчитывал никак не меньше тысячи человек. Почти половина из тех, что выстроились сейчас далеко внизу, там, где проход огибал выступавшую в море гору, бросилась в атаку на три сотни спартанцев, которых вывел Леонид на первый бой, чтобы показать союзникам, как надо биться.

Дальше за горой проход расширялся и появлялось небольшое плато, уходившее вниз вдоль скалы. На нем ожидала исхода схватки оставшаяся часть персов вместе с Тиграном. Справа от спартанцев плато обрывалось в море, слева бы-

ло ограничено почти отвесными скалами. При всем желании атаковать персы могли фронтом не больше, чем из тридцати-сорока человек. А судя по размашистым движениям мидян, которые на бегу далеко отставляли руки с легким щитом и копьем, они больше привыкли воевать на широких пространствах.

– Мне говорили, что варвары³ бьются толпой, – усмехнулся стоявший рядом Архелон, бросая быстрый взгляд на Тараса, – но я не верил. А зря.

– Да, – кивнул Тарас, – держа строй, мы выстоим. А сели дойдет до драки руками, вспомни, чему я тебя учил.

– Я не забыл, Гисандр, – кивнул Архелон.

А в мозгу командира эномотии промелькнуло несколько уроков рукопашного боя, что дал-таки бывший спецназовец и десантник своему другу в минуты отдыха. Архелон оказался способным учеником и вскоре освоил несколько хороших ударов ногами и руками без всякого оружия. Не отставал от него и Эгор. Устраивая между ними спарринги, Тарас от души веселился. Но греки все делали всерьез.

Достигнув, наконец, строя неподвижно стоявших спартанцев, ошетилившихся копьями, персы обрушились на них лавиной тел, стремясь задавить количеством. Но не вышло. Короткие копья персов в ближнем бою не давали им возмож-

---

³ Варварами греки называли все живущие вокруг племена, не говорившие по-гречески. Сначала это название было чисто географическим, без уничижительного смысла. Но после победы над персами, приобрело оскорбительный оттенок, возвышая «цивилизованных» греков.

ности достать закованного в доспехи противника. И лавина быстро растеклась на отдельные ручейки, после того как первая шеренга спартиатов несколько раз одновременно вонзила копья в персидских воинов. Те пытались отбивать молниеносные удары разящих спартанских копий, но плетеные щиты были им плохой защитой. Много персов нашло свою смерть в первой же атаке. Проход огласился воплями и стонами раненых врагов.

Тарас с завистью смотрел, как мастерски колол мидян пентекостер Креонт, стоявший позади царя в первой шеренге. Отводя удары персидских копий большим медным щитом и методично работая своим длинным копьем, он убил двоих бородатых воинов точным ударом в шею. Еще двоих ранил ударом в бедро, а последнего, что подобрался слишком близко, поразил резким ударом отточенного острия в глаз. Мидянин вскрикнул, схватившись за окровавленное лицо, и рухнул на камни.

Рядом с пентекостером билось несколько неизвестных Тарасу воинов, а дальше он разглядел Алкмена, который тоже отважно сражался. В каждом движении опытного спартамца сквозило мастерство тренированного бойца. Стоя всего в нескольких метрах за его спиной, Тарас даже залюбовался, с каким изяществом копье Алкмена вспарывает пестрые хитоны мидян, проникая в плоть.

Чуть поодаль дрались два брата, Алфей и Марон, а рядом с ними сверкал медью отполированного шлема храбрец Ди-

енек. Не раз и не два мидяне пытались поразить его, но он был словно выточен из камня и двигался расчетливо, почти одновременно со стоявшими рядом бойцами. Диенек удивил Тараса тем, что дважды убил своих врагов, прошив насквозь их плетеные щиты.

Тарас заметил, что почти никто из спартанцев не стремится лишний раз попробовать на прочность персидский панцирь. «А зачем тупить копье? – поймал он себя на мысли, отбивая прилетевшую издалека стрелу. – Ведь у них столько незащищенных мест, что можно убивать, даже не касаясь доспехов. Похоже, этот Ксеркс металл экономит больше, чем своих людей».

Сам Леонид тоже не давал спуска наседавшим со всех сторон мидянам. Он пригибался, уходя от ударов и прикрывая тело щитом. Но каждый раз, когда царь распрямлялся и выбрасывал, словно пружину, вперед руку с копьем, падал запертво кто-то из персидских воинов.

Бились спартанцы дружно, чувствуя плечо рядом стоящего воина, и мидяне так и не смогли пробить оборону. Лишь кое-где им удавалось ненадолго потеснить гоплитов, а на место немногих павших спартанцев тут же вставали другие. Так они выстояли почти полчаса, потеряв всего нескольких человек, но почти не сдвинувшись с места. Зато перед ними выросла целая гора трупов, что уже мешала новым персам добраться до первой шеренги греческих гоплитов.

Наконец, персы отошли, а спартанцы смогли немного пе-

редохнуть. Тарас, которому удалось схватиться только с одним мидянином, всадив тому копье в бедро, был немного разочарован и рвался в бой.

Не успели мидяне отойти вниз к своим, как свет солнца вновь затмили стрелы. И спартанцы опять привычно опустились на одно колено, прикрывшись щитом и пережидая смертоносный дождь. Многие в этот раз уже откровенно веселись, переговариваясь из-под щитов с соседями по шеренге и задирая друг друга.

– Ты видел, как они бежали, Эгор? – крикнул Архелон своему другу. – Как трусливые женщины.

– Если это лучшие воины Ксеркса, – подхватил Эгор, перекрикивая шум барабанивших по щитам стрел, – то я, пожалуй, буду биться с ними одной рукой, чтобы дать отдохнуть другой. И даже без щита.

– Щит тебе еще пригодится, – отсоветовал Архелон, – видишь, как они бешутся от своего бессилия. Не могут одолеть нас в открытом бою и хотят поразить всех издалека.

– Да, бойцы из персов не лучшие, – согласился Эгор, – да и копья у них короткие. Ни за что не смогут достать до наших тел.

Тарас помалкивал, сжимая кожаный ремень щита и вспоминая о «Бессмертных» – гвардии Ксеркса, которые еще не вступали в бой. Он не торопился с выводами. Ведь для персидской армии, которая, по слухам, насчитывала около

двухсот тысяч человек⁴, эта атака была всего лишь рядовым столкновением, хотя и самым первым. До сих пор никто не осмеливался вставать на пути у владыки половины мира. Ведь царь персов – если он уже был в лагере – проделал длинный путь от пролива Геллеспонта сюда через Македонию, Фессалию, Фтиотиду и Малиду, не встречая никакого сопротивления. Македонцы и фракийцы уже давно были его данниками⁵, хотя и не порвали сношений с греками, а остальные дали послам персов «землю и воду»⁶. И вот теперь он впервые получил отпор.

«Представляю, как бесится Ксеркс», – невольно ухмыльнулся Тарас.

– Атака! – выкрикнул Леонид, вскидывая тяжелый щит и первым поднимаясь на ноги. – Построиться!

Спартанцы поднялись с колен и вновь изготовились к бою. Их небольшая фаланга насчитывала в глубину шесть неравных рядов, сужавшихся к проходу в скалах, который был сейчас перегорожен заново отстроенной стеной. На стене и

---

⁴ Информация Геродота о том, что войско персов насчитывало свыше миллиона человек, считается современными исследователями явно преувеличенной. «Отец истории» всеми силами воспевал героизм небольших армий греческих полисов перед полчищами варваров.

⁵ Македонию и Фракию покорил предшественник Ксеркса персидский царь Дарий в 511 году до н. э, преследуя сразу несколько целей. Он хотел создать там базу для похода на остальную Грецию, а также ударить в тыл степным скифским племенам.

⁶ Добровольно признали власть персов над собой.

за ней стояла стража из вооруженных периеков, среди которых было некоторое количество лучников. Впрочем, Леонид оставил собственных лучников позади, решив положиться на привычную фалангу, не в пример персам, у которых, как показалось Тарасу за первые часы сражения, лук был едва ли не главным наступательным оружием.

Между тем приближалась новая волна мидян. Это были все те же пешие копейщики, которым уступили место отошедшие в тыл всадники. Но на этот раз пешие мидяне сами начали атаку с обстрела фаланги спартанцев из луков. Воины разбились на две группы. Часть мидян, что приближалась вдоль обрыва, на ходу стреляли из лука, а копейщики образовали подобие клина, острие которого нацелилось на Леонида, стоявшего перед строем.

– Встать плотнее! – приказал царь, и спартиаты придвинулись плечом к плечу, прикрывая своим щитом еще полкорпуса рядом стоящего воина от летевших стрел. Одна из них просвистела рядом с ухом Тараса, поразив стоявшего позади воина. Раздался сдавленный стон и спартанец, «поймавший» стрелу в шею, повалился под ноги своим товарищам. Другая стрела, звонко ударившись медным наконечником, отскочила от шлема Тараса.

Наконец вторая лавина мидян с воплями обрушилась на ошетилившихся копьями гоплитов и потеснила их, слегка продавив середину строя. Море красных плащей всколыхнулось. Удар был мощным. Тарас даже на мгновение потерял

из виду царя, исчезнувшего за телами окруживших его мидян. Но вскоре Леонид снова появился в поле зрения, насадив на копье одного из воинов в пестром хитоне. Его копье пробило панцирь мидийца, вышло из спины и застряло, так что Леонид даже ударил обмякшее тело ногой, чтобы выдернуть его обратно. К счастью, он проделал это очень быстро. Лишь один из нападавших персов успел нанести второй удар, который Леонид отразил щитом, а следующим движением он уже поразил и этого бойца.

И все же спартанцы попятились. Видя это, мидийцы утरोили натиск. В тесноте ближнего боя их короткие копья даже давали некоторое преимущество. Не только первая шеренга, но и вторая, где стояли Тарас с Архелоном и Эгором, и даже третья уже вступили в сражение. И тут раздалась команда: «Назад!» Услышав которую, спартиаты повернулись вполоборота в сторону прохода. А затем, чуть приподняв копья и одновременно прикрывая корпус щитом, устремились назад. Это было так похоже на отступление, которого мидяне уже и не надеялись увидеть, что они даже немного опешили, и на мгновение между ними и спартанцами образовалась брешь в несколько метров. Именно этого и добивался Леонид. Строй гоплитов выравнился. А когда мидяне с воплями вновь бросились вперед, предвкушая победу, раздался новый зычный окрик Леонида и спартанцы «все вдруг» резко обернулись лицом к противнику, выбросив правую руку вперед. И каждое копье нашло свою цель. Вся ближняя ше-

ренга мидян рухнула под ноги спартамцам как подкошенная. Наступление приостановилось.

– Коли! – крикнул Леонид, не давая передышки врагам.

И новый удар скосил следующую шеренгу мидян. После этого маневра Тарас был уже в первом ряду, рядом с Креонтом, заняв место убитого персами воина. Спартамцы нанесли еще несколько таких же молниеносных и смертоносных ударов, окончательно смешав порядки мидян и обратив их в бегство. А стоило мидянам показать тыл, как спартамцы перешли в наступление и отогнали их метров на сто от Фермопильского прохода вниз по ущелью.

– Остановиться! – крикнул Леонид, прекращая преследование, и опуская окровавленное копьё вниз. – Пусть эти трусливые псы бегут и расскажут другим, чего стоит наше гостеприимство. А мы вернемся назад.

Посмеявшись вместе с царем над персами, спартамцы едва перевели дух. Однако, устремившись назад по трупам мидийских солдат, они не успели отойти к самой стене, как были застигнуты атакой конных персов.

Мгновенно построившись и сомкнув ряды – причем передние гоплиты опустили на колено, прикрывшись щитами почти целиком и выставив копья под углом вверх, – спартамцы приготовились к отражению атаки всадников. Бросив взгляд на приближавшихся врагов, Тарас с удивлением заметил, как конные лучники «всаживали» стрелы в своих же пехотинцев, обратившихся в бегство, перебив на ходу почти

всех. «Просто заградотряд какой-то, – горько усмехнулся Тарас, – ни шагу назад. Не любят персы трусов».

Прошло лишь несколько мгновений, как персидская кавалерия доскакала до строя спартанцев, но врубаться в него не стала. Она принялась кружить перед строем, осыпая фалангу тучами стрел почти в упор. И многие находили цель, несмотря на то, что лишь красные гребни шлемов с прорезьями для глаз возвышались над медными щитами спартанцев. Когда рядом с Тарасом упало двое гоплитов, убитых стрелами, а еще один был ранен в руку, Леонид чуть распрямился и крикнул:

– Бросай!

Первая шеренга гоплитов поднялась и метнула свои копья в пронесившихся мимо всадников, быстро опустившись. Затем то же сделала вторая и третья. Тарас бросил свое копье в бородатого перса, чей нагрудник блестел на солнце, как начищенное зеркало, угодив тому в бок. Бросок был такой силы, что пробил-таки доспех, и перс рухнул на камни под копыта своему коню. Тарас проследил за полетом еще нескольких «снарядов», вышибавших персов из седла с такой точностью, словно это эфебы соревновались друг с другом на Гипнопедиях.

Спартанские копья «вывели из строя» не один десяток всадников. Лошади с диким ржанием метались теперь без седоков от обрыва до скал, совершенно не давая возможности приблизиться остальным. Да те больше и не пытались. Об-

стрел мгновенно прекратился, а оставшиеся всадники устремились назад.

«Говорят, у них служат скифы, — промелькнуло в мозгу Тараса, когда он разглядывал колыхавшиеся спины конных мидян, затянутые в панцири и пестрые хитоны, — от тех бы мы так легко не отделались. Скифы, конечно, тоже лучники, но и с копьем не расстаются, да и владеть им умеют».

Атаки прекратились. Приказав отнести раненых спартиатов в тыл и не двигаясь с места еще полчаса, Леонид наконец отвел своих солдат назад к стене. Там они простояли до самого вечера. Однако больше в тот день персы не предпринимали новых атак.

– Не по вкусу им пришлась черная похлебка, — заметил Алкмен, пытаясь рассмотреть сквозь быстро сгущавшиеся сумерки то, что происходило внизу на каменистом плато, занятом персами. Там было заметно какое-то шевеление, но на построение перед новой атакой это было не похоже. Скорее одни части, потрепанные в сегодняшних боях, сменялись другими.

– Ты прав, — усмехнулся Леонид, проследив за его взглядом, — мало на свете людей, способных ее переварить.

– И все они здесь, царь, — проговорил Алкмен, обведя взглядом усталых бойцов, — рядом с тобой.

– Это так, — согласился царь, — мы преподали персам первый урок и больше, уверен, сегодня они не появятся. Но, прежде чем из Спарты подойдет армия, нам предстоит еще

не один бой. Теперь надо отвести людей в лагерь.

Он вышел вперед и вскинул руку с копьем, требуя внимания.

– Спартанцы, – громко объявил Леонид, – сегодня вы сражались, как львы, и уже покрыли себя славой, как доблестные сыновья Лакедемона.

Море красных плащей всколыхнулось в едином порыве. Все гоплиты выбросили вверх руку с копьем, приветствуя царя. То же сделал и Тарас, издав победный клич. После первого дня боев спартанцы чувствовали себя победителями. Все подступы к Фермопилам были усеяны трупами персов, а спартанцы потеряли в этот день лишь восемнадцать человек. Но и это была большая потеря для Лакедемона, где ценился каждый гражданин.

– Сейчас я приказываю вам отойти за фокидскую стену на ночлег, вы заслужили его, – объявил царь, – а наше место займут локры⁷ числом в пять сотен. Уверен, им хватит храбрости простоять ночь без боя на своей земле в ожидании персов.

Вдоволь насмеявшись, спартанцы отошли за стену, охраняемую вооруженными периеками. Просочившись по одному за эту преграду, что встала на пути персов, спартанцы растянулись цепью и продолжили свой путь к лагерю уже во мраке.

---

⁷ Локры, фокидяне и милейцы, чья общая численность составляла почти три тысячи человек, входили в ополчение, подчинявшееся Леониду.

Продвигаясь по узкому ущелью, напоенному серными запахами источников, Тарасу все время хотелось заткнуть нос – такая здесь стояла вонь. К счастью, вскоре проход расширился, и они увидели палатки и костры лагеря, в котором готовились к ночлегу воины остальных греческих полисов.

– Вы прогнали персов с нашей земли, Леонид? – приветствовал царя широкоплечий боец, поднявшийся на ноги от костра, едва заведя появившихся из тьмы ущелья спартанцев.

– Мне пришлось это сделать за вас, Хрис, – в тон ему ответил спартанский царь, – раз уж ты со своими воинами не в силах свершить это.

– Мои воины рвутся в бой, – обиделся уязвленный Хрис.

– Что же, – кивнул Леонид, словно ждал такого ответа, – тогда сейчас самое время. Отправь за стену пять сотен своих локров и стой там до рассвета. А утром я снова сменю вас.

Хрис бросил взгляд на дымившуюся тушу барана, что коптилась над костром, и нехотя подчинился. Он взял щит и копье и отдал необходимые приказания, подозревая своих командиров.

– Уверен, персы не побеспокоят тебя этой ночью, – добавил Леонид, занимая его место у костра, рядом с которым он опустил свой щит и копье, – а мои воины сражались весь день голодными. Так что мясо будет очень кстати.

– Угощайся, царь, – усмехнулся с поклоном Хрис, – пусть ты и твои воины насытятся и ни в чем не знают отказа. Я

велю принести еще мяса.

– Ты учтив, Хрис, – ответил Леонид, усаживаясь у костра и скидывая панцирь с помощью подоспевшего илота, – однако ты слишком долго собираешься в путь. Тебя ждут Фермопилы.

Хрис молча удалился, уводя за собой пять сотен локров, уже собиравшихся отправиться на ночлег. Но приказ спартанского царя лишил их этого удовольствия.

– Кажется, локры недовольны, что им приходится защищать собственную землю, – заметил Тарас, останавливаясь рядом с костром и опираясь о копье. – Им гораздо больше нравится, когда за них гибнут спартанцы.

У костра, кроме самого Леонида, по знаку царя уже присели Алкмен и Креонт. Вокруг суетились слуги и оруженосцы из периеков.

– Жизнь одного спартанца стоит десяти бойцов из племени локров, – заметил на это Леонид. – Садись у моего костра, Гисандр. Поешь, а потом отправляйся спать. До рассвета не так много времени.

Тарас присел рядом с царем, отдав копье и щит своему оруженосцу, который, взяв их, отступил на несколько шагов в темноту.

– Я не долго буду докучать тебе разговорами, справедливый царь, – проговорил он.

– Чего же ты хочешь? – прямо спросил царь, принимая из рук слуги кусок закопченного мяса, так и не доставшегося

Хрису.

Тарас колебался недолго. Его ведь могли убить в завтрашнем бою, и тогда он не поведал бы царю того, что знал еще в прошлой жизни. И о чем здесь, похоже, еще никто не догадывался.

– Я узнал от своих верных людей, – начал Тарас, чуть наклонившись вперед, – что вокруг горы, что нависает над ущельем слева, есть обходная тропа, по которой местные пастухи гоняют коз из Локриды в Малиду. Говорят, она выходит у самых Альпен, той деревни в тылу, из которой нам доставляют припасы. Я думаю, если пройти по ней в обратную сторону, можно проникнуть в ту местность, где сейчас уже стоят персы.

– Ты видел ее? – сразу ухватил суть Леонид, мгновенно позабыв про мясо.

– Только слышал, мой царь, – ответил Тарас.

– Тогда с рассветом ты не пойдешь за стену, – принял решение Леонид, – ты возьмешь двадцать воинов и осмотришь все окрестные горы. Ты найдешь эту тропу, если она есть.

– Она есть, я уверен, – кивнул Тарас, – и персы по ней могут пробраться к нам в тыл, если узнают, куда она ведет. И раз это знаю я, то скоро могут проведать и персы.

Он чуть помедлил, добавив:

– Но двадцати человек мне не нужно, достаточно десяти. Ведь каждый спартанец стоит нескольких бойцов.

Тарас встал.

– Если ты позволишь, то я возьму с собой периеков. В бою они стоят меньше, а в этом деле на них можно рассчитывать.

– Делай, как знаешь, – согласился Леонид, – но, когда ты найдешь тропу, пройди по ней до самого конца и узнай, куда она ведет. Это может нам помочь.

– Я выполню твой приказ, мой царь, – поклонился Тарас, – найду тропу и ты первым узнаешь о ней.

Разыскав свою палатку, у которой дежурило пять верных периеков, Тарас снял доспехи и повалился прямо на камни, завернувшись в плащ. Усталость взяла свое. Он не стал забираться даже в палатку, а быстро заснул, бросив взгляд на яркие звезды, что горели над Фермопильским ущельем.

Глава вторая

Оружие победы

Едва забрезжил рассвет над горами, как Тарас проснулся отдохнувшим. После изнурительного вчерашнего сражения, в котором он, к счастью, не был даже ранен, если не считать царапины чуть выше локтя от персидского копья, он хорошо выспался даже на камнях и был готов к новым подвигам.

Поев вместе с остальными спартиатами, которые сразу после этого отправились сменять локров, Тарас остался в лагере выполнять приказание Леонида. А с ним еще десять человек, которых он отобрал лично.

– Как разыщешь тропу, сразу пришли гонца, – бросил, уходя во главе своей гвардии, Леонид, – а лучше, все расскажешь сам.

О чем они говорили, остальные спартиаты не слышали, и Тарас ловил на себе удивленные взгляды, ведь его место было в строю. Но раз уж Леонид оставлял его в лагере, значит, у царя на то были свои причины. А обсуждать приказы царя, здесь было не принято. Во всяком случае, среди рядовых спартиатов. Эфоры – отдельный вопрос. Но их в этот раз с войском не было. Ведь, строго говоря, это было и не войско. Так передовой отряд, направленный сюда вопреки всем зонам. И сопровождал его из «духовных лиц» лишь прорицатель Мегистий, если не считать самого Леонида, каждое утро

приносившего жертвы богам и перебиравшего своими пальцами окровавленные дольки печени жертвенного барашка. Вчера предсказание было удачным. Сегодня Леонид ничего не сообщил ему, но, судя по всему, и сегодня боги не оставят спартанцев.

Проводив взглядом алые плащи спартиатов, по одному исчезающие в узком проходе, Тарас вновь обернулся к лагерю. Сотни палаток усыпали небольшое плато, рассеченное горными отрогами. Здесь скучилось почти семь тысяч человек, собравшиеся сюда с разных концов Греции. В этой узкой долине стояли лагерем солдаты из Аркадии, Коринфа, Микен, не говоря уже о локрах, фокидянах и милейцах. И все пока были на месте, – царь прислушался к его совету и не отпустил пока никого из союзников.

Уж кто-кто, а Тарас отчетливо понимал, что триста «железных» парней исполнят свое предназначение, даже если придется погибнуть. Таков закон. Но, имея в запасе почти семь тысяч воинов, пусть и не таких крепких, удержать Фермопилы можно гораздо дольше. А там либо своя армия подойдет, либо еще что-нибудь случится. Была у Тараса такая надежда, возникшая не на пустом месте.

Ему лично очень хотелось не просто погибнуть, – ему хотелось победить. И хотелось этого уже почти два года. С того самого момента, как он женился и у него родился сын, Тарас начал все сильнее «привыкать» к этой жестокой спартанской жизни, ставшей теперь его судьбой. Как ни крути, а он

уже давно был местным и защищал с остальными греками свою родину. Впрочем, отличия все же были. И в отличие от остальных греков, он понимал, что должно случиться спустя несколько дней ожесточенной битвы, если не вмешаться в этот процесс. А потому начал готовится загодя, еще не зная и не веря, что попадет в гвардию Леонида, но предчувствуя такой вариант.

И, прежде всего, он подготовил себе помощников, которых обучил думать и действовать не так, как их учили в Спарте. Вернее не совсем так, поскольку тех, кого он выбрал к себе в помощники, вообще ничему не учили. Рабов учить нечему. А у него в «отряде» были почти одни илоты. Он лично осмотрел всех имевшихся в имениях – своем, отца и даже Елены – государственных рабов, отобрав самых толковых и не болтливых. Последнее качество было для него, пожалуй, главным, ведь создавал он свой отряд диверсантов в полной тайне ото всех остальных спартанцев. Знал об этом лишь его «отец» – геронт Поликарх.

Поначалу мудрый геронт не очень верил в то, что рассказал ему о предстоящей смерти царя и его гвардии Гисандр, ведь даже в том случае, если это была правда, ничего зазорного в этой героической смерти не было. Даже наоборот. Но припомнив недавний оракул, где пифия предвещала падение Спарты, которое можно было предотвратить лишь ценой жизни одного из царей, пришел к выводу, что у Гисандра есть талант прорицателя, ведь знать содержание оракула его

сын просто не мог. Его знали лишь сами цари, эфоры и геронты, то есть те, от кого зависело существование государства. А простому воину это было недоступно.

Да и мысль спасти царя поначалу вызывала у геронта смешанные чувства. Жизнь царя целиком и полностью зависела от воли богов и эфоров, читающих по звездам и знамениям эту волю, и не людям вмешиваться в такие дела. Если Аполлон или сам Зевс-громовержец захочет уничтожить царя Спарты, то никто уже не сможет отвести его молнии. Никто не сможет помешать старухам⁸ прервать нить судьбы.

На мгновение геронт даже заподозрил своего сына в трусости – слишком уж тот любил проводить время с семьей, а не с товарищами по сесситии, хотя и был известен на всю Спарту как первейший боец, победитель гипнопедий и спаситель жизни царя. Но геронт быстро отогнал эту мысль. Не мог его Гисандр быть трусом, ведь он не избегал воинской службы и много раз сражался с аргивцами.

– Отец, – заявил Гисандр, видя охватившие геронта сомнения, – я не просто хочу выжить и снова спасти нашего царя, который погибнет, если войско не придет вовремя.

Тарас подождал, пока геронт успеет обдумать его слова, и продолжил:

– Я хочу победить персов. И я знаю секрет оружия, которое может уничтожать на дальнем расстоянии. И если ты мне

---

⁸ Греки изображали мойр, богинь человеческой судьбы, в виде трех старух – Клото, Лахесис, Атропос, – прядущих нити судьбы.

поможешь найти мастеров, то я создам его, и, когда время придет, мы будем готовы встретить персов у Фермопил не только с копьем в руках.

– Ты хочешь посоревноваться с самим Зевсом? – нахмурил брови Поликарх.

– А почему нет, отец? – расправил плечи Тарас. – Ради спасения Спарты, я готов поспорить даже с богами, если они вдруг задумают отвернуться от нас.

– Не богохульствуй, – наизидательно проговорил отец, против воли заинтригованный речами сына, – спартанцы славятся своим благочестием и простотой нравов. И боги не оставят нас.

«Славятся, – подумал Тарас, не став спорить вслух, – только это благочестие они понимают по-своему, не так я понимал его в двадцатом первом веке. Но тут уж ничего не попишешь».

Но вслух сказал другое.

– Я прошу тебя лишь о помощи, отец. У нас еще есть время, чтобы выполнить задуманное мною. Но делать это нужно в тайне ото всех. И обещаю, если то, что я задумал, не удастся, я сложу голову вместе с остальными у Фермопил.

Поликарх помолчал. Потом обнял его и сказал:

– Не торопись умирать, Гисандр. Прежде воспитай из своего сына бойца, чтобы держал копье и меч не хуже тебя. Да и Елена слишком хороша, чтобы так быстро стать вдовой.

Этот разговор состоялся почти два года назад, сразу после

свадьбы, на которой был и царь Леонид со своей женой Горго. С тех пор изменилось многое. И, прежде всего, благодаря помощи отца.

Пока Тарас упражнялся со своей эномотией на полях Пелланы и проводил свободное время в имении, где подрастал сын, имевший обширные связи Геронт «навел справки» по всем вопросам, которые задал ему «провидец». Прежде всего, Тарас попросил его найти нескольких мастеров по металлу, знавших толк в ковке мечей и копий. Это оказалось не слишком сложно. Все районы, где добывалась руда и производилось оружие для спартанской армии, были геронту известны. Ближайшие находились в центре страны, на другом берегу Эвроты, а остальные по большей части были разбросаны на восточном побережье Спарты в многочисленных общинах периеков. Там с незапамятных времен селились торговцы и ремесленники, когда-то даже обладавшие флотом, который теперь в Лаконии был запрещен. Сейчас имелось лишь небольшое количество кораблей для государственных нужд, распределенных между общинами, ни один из которых не мог покинуть гавань города периеков без «высочайшего разрешения».

Но если названия ближайших городов – Селласий, Тирос, Кифанта и Прасии – еще были немного знакомы спартанцу, проводившему все свое время между Амиклами и Пелланой, то о городах периеков, находившиеся на самых южных окраинах побережья он вообще ничего не слышал. Заракс, Эпи-

давр-Лимера, Асопос, Гифий – были для него пустым звуком. Зато все эти города отлично знал отец Гисандра. Вокруг них было множество клеров⁹ граждан Лакедемона, и мудрый геронт отправился в поездку, чтобы лично проинспектировать, как идут дела. В герусии он возражений не встретил. Напротив, даже получил наказ от царя Леонида проверить, как обстоят дела в его личном темене¹⁰, что раскинулся в окрестностях прибрежного Тироса, омываемого водами Аргонидского залива.

Геронт провел в поездке пару недель, объезжая город за городом. Однако, не зная в точности, о чем думает Гисандр, – тот обрисовал ему невиданное доселе оружие в общих чертах, – Поликарх вернулся из первой поездки по общинам периеков в некотором смятении, не найдя всего, что хотел. И потому предложил Гисандру совершить новую поездку вместе и самому поговорить с мастерами, чтобы понять, на что они способны.

– Тех, кто называет себя мастерами, я видел немало, – посоветовал Поликарх, – но не знаю, подойдут ли они тебе. Ведь

---

⁹ Клер – надел земли в Спарте.

¹⁰ Цари имели не только «обязательные» наделы земли, клеры, как и все спартиаты. Также они владели так называемыми теменами – обширными угодьями земель на территориях периекских общин. В отличие от государственной земли, эти темены были их полноправной собственностью и служили основой экономического процветания. Законы Спарты, направленные против роскоши, в данном случае никак не ограничивали царей. Нередко цари сдавали свои наделы в аренду периекам, а также увеличивали собственность, скупая новые участки.

ремесла у спартанцев не в чести. И эти люди давно не делают ничего отличного от ножей и мечей.

– Пожалуй, ты прав, – кивнул Тарас, только что вернувшийся из очередного марш-броска по окрестностям Пелланы, – придется попросить сегодня на сесситии у Креонта и Хрисиды разрешения оставить ненадолго эномоотию. Вряд ли они будут в восторге, но я у них на хорошем счету. Думаю, разрешат.

Одно радовало Тараса и немного ободряло перед поездкой – ему могло пригодиться то, почти единственное ремесло, сохраненное даже по заветам Ликурга, – производство оружия. А уж найти в Спарте человека, способного грамотно выковать несколько изогнутых медных деталей, на первый взгляд представлялось делом не сложным.

Впрочем, были опасения и на этот счет. Тарасу припомнилась судьба кифареда, пожелавшего приделывать к своему инструменту новую струну и жестоко наказанного эфорами. Местные мастера действительно могли оказаться слишком узкого профиля, а к новаторам здесь относились, мягко говоря, без энтузиазма. И тем не менее следовало попробовать.

– Рискнем, – махнул рукой Тарас, усаживаясь в повозку вместе с геронтом, который сам правил единственной запряженной в нее лошастью.

В эту поездку они взяли лишь по одному слуге. Поликарх – управляющего Панорма, а командир эномотии своего верного оруженосца Этокла, не раз доказавшего ему свою пре-

данность. Чем меньше людей знало о тайных приготовлениях, тем лучше.

Откровенно говоря, Тарас и сам до конца не представлял, как он сможет воссоздать метательное оружие, которого еще не существовало в природе. Он ведь был далеко не инженер. Так, имел некоторую склонность к механике. А в прошлой жизни в глаза не видел ни одной баллисты, разве что держал в руках арбалет. На службе все больше как-то приходилось пользоваться современными автоматами да взрывчатыми веществами, используя как средство доставки к месту военных действий бронетехнику. Здесь же еще ничего этого не было и в помине.

Но если деревянные части метательного орудия он худо-бедно представлял и даже уже несколько раз пытался нарисовать – последний рисунок, нацарапанный на деревянной дощечке, покоился у него под панцирем, – то вот с металлическими элементами конструкции, и особенно с тетивой, были проблемы. Луки в этом мире, конечно, уже умели делать, но вот где раздобыть жилы и конский волос, чтобы изготовить достаточной прочности торсионы, пока было не ясно. Ведь никаких специальных заводов не имелось. Разве что пустить собственных баранов на переработку во славу Спарты. Тут, правда, могли помочь мастера, что работали с корабельными канатами. Однако, как выяснил Тарас у геронта, все канаты во время перемирия Спарта закупала у Аргоса или Ахайи. Своего же производства не имела.

«Ну, конечно, — молча кивнул Тарас на сообщение герон-та, — мог бы и сам догадаться. Ну, зачем Спарте канаты, ес-ли флота практически нет. В любом случае требуется совет специалиста».

Была у Тараса мысль посвятить в свой замысел самого ца-ря Леонида, чтобы иметь возможность поискать нужные ма-териалы за границей Лаконии. В том же Аргосе строили мно-го кораблей. Но, поразмышляв, командир эномотии решил от нее отказаться. Леонид, привыкший доверять мускулам, копьё и мечу, мог просто не поверить в рассказы о чудо-ору-жии и поднять его на смех. Или, что гораздо хуже, мог по-верить, а у Тараса выйти какой-нибудь провал, — все-таки дело было новое. Требовалось сначала изготовить опытный образец, а затем испытать его. И Тарас решил не торопиться — время позволяло. До всего доходить своим умом, по мере сил, а также искать толковых помощников.

«Начнем с простого, — размышлял он, в то время как те-лега тряслась по ухабам проселочной дороги где-то между Спартой и Селассием, ничуть не походившей на отделанную плитами „трассу“ между Амиклами и столицей, — попробу-ем изготовить арбалет, или как он там у греков назывался. „Гастрарет“, кажется».

Оставив Селлассий в стороне, в первый, крупный по мест-ным меркам, город периеков, Тирос, они прибыли к исходу второго дня. Городок был раза в четыре меньше Спарты, но

имел несколько центральных мощеных улиц, обустроенных вполне прилично множеством храмов и, что резко отличало его от самой Спарты и роднило с Пелланой, лавок, где были выставлены в основном горшки и мотыги. Оружие здесь не продавалось и не менялось. По всей видимости, на него существовал «госзаказ».

Старый геронт выдержал это путешествие на редкость стойко для своего возраста, сказывалась закалка. Остановились они прямо в доме у одного из местных старейшин по имени Миссий, отвечавшего перед Спартой за производство оружия.

Пообедав в местной сесситии вместе с чиновниками, высокие гости из столицы объяснили Миссию, что хотели бы осмотреть арсенал и побеседовать с мастерами, что ковали копья и мечи для воинов Спарты. Их гостеприимец показался Тарасу немного удивленным, словно не понимал, зачем они здесь. А может быть, просто побаивался внезапной инспекции.

– Это можно сделать завтра же утром, – откликнулся Миссий, но, внимательно всмотревшись в нетерпеливые лица своих неожиданных гостей, добавил: – Впрочем, мастерские работают даже ночью, там всегда находятся илоты, обрабатывая металл, и кто-то из надзирателей. Если вы хотите, мы можем побывать там этим же вечером и вызвать туда любого мастера.

– Пожалуй, – сразу согласился геронт, отхлебывая вина, –

мы не слишком устали с дороги. Так что займемся делами.

А, нагнувшись к Тарасу, вполголоса добавил:

– Я здесь бывал уже в прошлой поездке и все видел, но тебе будет полезно осмотреть все самому. Сделаем это сегодня, а завтра с утра посетим царский темен. Вздобрим управляющего, это ему только пойдет на пользу. А потом отправимся в Прасии.

– Хорошо отец, – кивнул командир эномотии, – если ты не устал, сделаем это, не откладывая.

– Я великолепно себя чувствую, – заявил геронт, проглотив горсть оливок и вновь отхлебнув вина.

Тарас, уже в который раз удивлялся, сколько сил сохранил в своем худошавом теле этот старик. Мудрому геронту было уже крепко за шестьдесят, но он и не думал сидеть на солнышке, дожидаясь пока придет костлявая с косой. А много двигался, потягивал вино и даже пощипывал молодых рабынь. Одна Хилонида чего стоит. Уж если эта кобылица его, молодого хозяина, измотала своими любовными играми, то выдерживавший ее напор старик-геронт мог просто гордиться своим здоровьем.

Вспомнив Хилониду, Тарас невольно вспомнил и свой мальчишник, что устроил незадолго до свадьбы. Надо же было хорошенько оттянуться перед долгой семейной жизнью. Но едва он отчетливо представил себе, как в последний раз увидел эту греческую рабыню в имении отца, как сдернул невесомый хитончик и медленно провел рукой по приятным

округлостям, набухающим от первого же прикосновения, – геронт сжал его плечо костлявыми пальцами.

– Пойдем, Гисандр, – заявил он, безжалостно выдергивая «сына» из сладостных воспоминаний, – время не ждет. Мы должны многое сегодня увидеть. Солнце уже садится.

Гисандр еле подавил вздох и поднялся из-за стола.

По дороге к арсеналу, объединенному с кузницей, где ковалось и хранилось оружие спартанской победы, Тарас больше молчал, предоставив говорить чиновникам. А сам обратился в слух. Пока они прибыли на место, он из не прекращавшегося разговора с интересом выяснил, что не имевшим права голоса периекам, было милостиво оставлено местное самоуправление. Во внутренние дела общины спартанское руководство не вмешивалось, удовольствовавшись получением военного налога оружием и людьми. Периеки должны были по первому требованию выставять полностью вооруженное за свой счет ополчение, которое Спарта использовала в сражениях как наименее ценный материал. «Пушечное мясо», как сказали бы в прошлой жизни Тараса.

Кроме того, здесь имелись некоторые ремесла, запрещенные в других местах Лаконии. И потому, несмотря на долгий запрет, местные жители по-прежнему умели торговать, сохраняя свое дело в «тлеющем» состоянии и не давая угаснуть ему совсем. Иногда, в очень редких случаях государственной надобности, отсюда в страны, где деньги были не запрещены, даже отплывали за товарами корабли.

Как решил Тарас, которому все это в который раз напомнило СССР и его «железный занавес», общины периеков были в Лаконском государстве чем-то вроде «зоны свободного предпринимательства», с той лишь разницей, что получали выгоду от своей работы в виде глотка свободы и натуральных товаров. Но в любом случае их жизнь была гораздо лучше жизни илотов. Лично они все же были свободными, хотя и не имели права голоса.

Оказавшись у приземистого здания на окраине Тироса, из подвалов которого валил дым, словно из адского подземелья, они остановились. У входа стояло шестеро вооруженных бойцов из периеков, которые с явным неудовольствием уставились на прибывших в неурочный час чиновников и особенно на спартанского гоплита. Тарас поймал на себе несколько наглых взглядов, и кровь в нем начала закипать, — сказывалось спартанское воспитание, с детства прививавшее эфебам мысль о том, что в этой стране нет человека выше спартанца и все остальные должны взирать на него снизу вверх. А эти осмелились смотреть на него почти как на равного.

«Да они тут, я смотрю, совсем расслабились со своим самоуправлением», — подумал Тарас, оскорбленный таким приемом, и, проходя в здание вслед за Миссией и Поликархом, как бы невзначай задел плечом ближнего солдата. Тот покачнулся, крепче ухватившись за упертое в каменные плиты копье, и, скрежетнув зубами, бросил на Тараса напряжен-

ный взгляд.

– Ты что-то сказал? – с готовностью уточнил Тарас, задержавшись на секунду и демонстративно положив ладонь на рукоять меча. Его глаза горели холодным пламенем и не предвещали ничего хорошего стоявшему перед ним воину. Тарас был готов ко всему, в том числе немедленно проткнуть этого зарвавшегося мужлана.

– Нет, – выдавил из себя вооруженный периек, – вам показалось... господин.

«То-то же», – ухмыльнулся довольный Тарас, догоняя обоих чиновников по ведущим круто вниз ступенькам. Кузница действительно походила на ад в день приема грешников. В подвальном помещении с толстыми стенами и низким потолком стояло несколько жаровен, под которыми горели огромные костры, и десяток чанов с водой. В стенах угадывалось множество печей, где тлели раскаленные угли. Повсюду клубился дым, сквозь который трудно было что-нибудь разглядеть. Мелькавшие в этом дыму тени и шипение воды, охлаждавшей металл клинков, лишь усиливали сходство с преисподней. Когда из дыма прямо перед ними вынырнул широкоплечий и мускулистый периек в одной набедренной повязке, весь измазанный сажей, Тарас уже готов был принять его за черта. Не хватало только копыт и хвоста, потому что засаленные и покрытые сажей волосы над чумазой физиономией и без того торчали вверх, напоминая рога.

– Здравствуй, Сфетон, – поприветствовал его Миссий, –

это геронт Поликарх из Спарты и его сын Гисандр. Они хотят услышать, сколько мечей, копий и щитов ты уже приготовил в этом месяце для гоплитов Спарты.

Сфетон обнажил белые зубы, блеснувшие на черном от сажи лице, и поклонился.

– Сфетон наш лучший мастер, – порекомендовал его Миссий своим гостям, – он делает отличные клинки и копья. Сегодня он как раз заканчивает делать большую партию наконечников, поэтому задержался здесь.

– Великолепно, – кивнул геронт, закашлявшись от заполнившего легкие дыма, – мы хотели бы поговорить с ним наедине.

– Я удаляюсь, – с готовностью откликнулся Миссий.

– Но не здесь, – вновь закашлялся геронт и Тарас мысленно с ним согласился, дышать здесь было абсолютно нечем, только в противогазе. – Нет ли здесь местечка поспокойней?

– Можно выйти во двор, – подал голос Сфетон, – там есть скамьи, где мы иногда отдыхаем в тени деревьев.

– Отличная мысль, – похвалил Тарас, – веди нас.

Пока они, то и дело теряя Сфетона из виду, преодолели задымленное помещение, несколько раз им преграждали дорогу «закопченные» периеки, спешившие опустить в воду раскаленный клинок. Злобное шипение воды раздавалось во всех углах, не давая забыть о том, где они находятся. Тарас прикинул, что производство мечей, копий и всего остального – он заметил в углу низкий каменный стол, где остывали

медные пластинки, которым предстояло в скором времени стать доспехом гоплита, – было поставлено здесь на поток. А значит, имело не очень хорошее качество. Впрочем, он мог и ошибаться. Поток потоку рознь. Ведь за плохо сделанный доспех мастеру грозила неминуемая смерть. Так что делать халтуру периеки могли только для своих. Только в этом случае они имели шанс уйти от возмездия.

Миссий тактично оставил их наедине, не последовав за Поликархом и его сыном. Оказавшись во дворе арсенала и вдохнув, наконец, полной грудью, Тарас осмотрелся. Это было небольшое пространство примерно в тридцать квадратных метров, окруженное стеной дома без окон. Здесь стояло несколько скамеек под чахлыми деревьями, изнывавшими от двойного жара – солнца и долетавшего сюда тепла из «преисподней». Кого могли укрыть своей тенью эти почти свернувшиеся от жары листья, Тарас не уразумел, но не это его сейчас волновало. Место было вполне подходящее для приватной беседы.

Прогнав отсюда троих отдохавших илотов, Тарас подозрительно посмотрел по сторонам, что не укрылось от Сфетона, и, задав для отвода несколько вопросов о количестве мечей и копий, предназначенных для Спарты, все же рискнул вытащить из-за нагрудника деревянную дощечку с чертежом. Геронт стоял рядом молча, предоставив на этот раз сыну самому все разузнать.

– Скажи, – выдавил из себя Тарас, пристально взглянув в

глаза черному от сажи мастеру, – ты мог бы изготовить вот это?

Сфетон некоторое время изучал мудреный чертеж Тараса, потом в задумчивости почесал просаленные волосы и спросил:

– Похоже на телегу с упором. Только вот зачем этот упор, лошадь ведь не сможет сдвинуть ее с места?

Тарас молчал. Тогда мастер продолжил задавать наводящие вопросы, рассуждая вслух.

– Да и колеса у нее какие-то уж очень маленькие. А что это, господин Гисандр?

– Телега, – соврал Тарас, не зная как отвечать на многочисленные вопросы мастера, не раскрывая ему сути, – только необычного вида.

– А зачем ей этот ковш? – указал мастер на устройство для закладки снаряда. – Такое впечатление, что им что-то надо будет черпать? Но зачем? И где это делают такие мудреные телеги, господин Гисандр?

– Ладно, – передумал вести дальнейшие переговоры Тарас, больно уж много вопросов задавал этот периек, да и выражение лица у него было сальное, словно тотчас побежит докладывать «кому следует», о чем шел разговор. – Нам не нужна эта телега.

Сфетон кивнул, но по его лицу было видно, что он все замечательно запомнил, и попроси его повторить, – сделает без запинки, а то еще и чертеж воспроизведет. И то, что он

улучил спартанцев во лжи, тоже не вызывало сомнений. «А может, его прирезать для верности? – промелькнула в мозгу Тараса крамольная мысль. – Впрочем, вряд ли он действительно понял, о чем речь, да и не поверит ему никто».

Но на всякий случай добавил вслух:

– Забудь все, о чем мы тут говорили.

– Я буду нем как рыба в водах Эвроты, – закивал Сфетон.

– Конечно, будешь, – слащавым тоном заявил Тарас, – а то я тебя скормлю этим самым рыбам. Помни об этом, пока жив.

И, положив ладонь на рукоять меча, дождался, пока ухмылка окончательно сползла с лица периека. «Вот теперь он действительно будет молчать», – удовлетворенно подумал Тарас.

– Пойдем, отец, – произнес он, обернувшись к геронту, – здесь нам больше нечего делать. Арсенал Тироса полон и Спарта скоро получит отменные копья.

И повернулся спиной к Сфетону, на которого теперь было жалко смотреть.

Из арсенала они отправились спать в дом к Миссию, а утром посетили царские угодья. Однако долго там не задержались. Тарас был отпущен лохагом всего на две недели. А потому, нагнав страха на царского управляющего, в ведении которого находились обширные земельные угодья Леонида, прямо оттуда они отправились в Прасии, куда намеревались прибыть уже к вечеру. Этот город также лежал на побережье.

«Немало земли взял себе наш царь, первый среди равных, – усмехнулся Тарас, оглядывая протяженные поля, на которых трудились периеки, – все-таки в положении царя есть свои выгоды».

Глава третья

Горными тропами

Между тем лагерь уже проснулся. Воины, покинув свои палатки, принимались за еду и разговоры. Вступать в бой никому еще не пришлось. Потери пока несли только воины Леонида, дорого продавшие свои жизни. Многие бойцы из Аркадии и Коринфа с удовольствием оставили бы Фермопилы, но сила приказов спартанского царя держала их здесь, несмотря на то, что у каждого отряда был свой командир.

«Стоит нам дать слабину, и они разбегутся по своим домам, – подумал Тарас, сидя после еды в одном хитоне на камне и рассматривая бурливший лагерь, – но они не дождутся».

Скользнув взглядом по уходящей в сторону деревни Альпены тропе, за которой начиналась вполне приличная дорога шириной в одну повозку, Тарас вспомнил о главном. Пора было выдвигаться на поиски другой тропы. Той, что вела в тыл к персам. Тем более что десять человек из гвардии Леонида, что должны были идти с ним на поиски, медленно приближались к его палатке со свои оруженосцами. Среди них были Эгор с Архелоном и спартанец Офриад¹¹, назван-

---

¹¹ Так называемая «Битва чемпионов» произошла 546 году до н. э между Спартой и Аргосом из-за Фирей, города в Кинурии, области Аργοлиды, захваченной спартанцами. Прибывшие к месту предстоящего сражения войска договорились о том, что спор решится схваткой между лучшими воинами. С обеих сторон в

ный так в честь участника битвы чемпионов.

– Этокл, – подозвал он оруженосца, – принеси мои доспехи и позови Брианта, если он уже вернулся.

– Сейчас принесу, – поклонился илот, отправляясь выполнять приказание, – но вы ведь отправили Брианта с рассветом разыскать тех самых пастухов и расспросить о тропе. Я его не видел с тех пор.

– Ладно, скоро объявится, – пробормотал Тарас, поглядывая на утреннее солнышко, еще не начавшее припекать, как следует.

– А вы будьте готовы выступать, – сообщил он стоявшим неподалеку периекам, одетым в легкие панцири, – я вижу только троих, где еще двое?

– Мы готовы, хозяин, – ответил Никомед, бывший у них за старшего, сжав копье, – Гиппоклид и Мегаклид отошли по нужде. Вон они возвращаются.

Эти пятеро периеков тоже входили в его тайный отряд диверсантов, куда он отбирал их вместе с отцом. Они хоть и был свободными гражданами, но имели кое-какие грехи перед своими общинами, за которые могли запросто стать ило-

---

битве принимали участие по 300 человек. Сражение шло весь день и закончилось лишь к вечеру. Из воинов Аргоса выжили двое, из спартанцев один воин по имени Офриад. Аргивцы посчитали себя победителями и возвратились в Аргос. А Офриад снял доспехи с убитых спартанцев, отнес их в лагерь, и сам вернулся на поле боя, как бы удерживая его за собой. Когда на следующий день войска вернулись, то спор разгорелся с новой силой. Никто не желал признавать свое поражение. В новой схватке с участием уже всего войска победили спартанцы.

тами. И мудрый геронт, зная нужду сына, перевел их на поселение недалеко от Пелланы, исправив ситуацию. Но за это ребята обязались служить новому господину Гисандру верой и правдой, а также хранить молчание. Теперь они обрабатывали землю, принадлежащую для вида местной общине, а, по сути, Тарасу, больше упражняясь на ней в рукопашных схватках по невиданным до сих пор методам. Дело оказалось со всех сторон выгодное и даже интересное. А становиться рабами им совсем не хотелось. Ведь в случае чего Поликарх мог все вернуть на свои места.

Сюда они прибыли в составе тысячи периеков, прикрывавших тылы гвардии Леонида. Тарас постарался, чтобы его люди вошли в контингент, направлявшийся к Фермопилам. Так что никто и не догадался, почему, когда разрешение царя было получено, он выбрал именно этих пятерых. Они были не самые рослые и крепкие на вид, хотя жилистые.

Кроме них у Тараса имелась в запасе еще дюжина периеков и восемь илотов. Правда, не всех удалось взять с собой сразу, но остальных должен был привести Поликарх. По уговору геронт должен был постоянно торопить герусию, насколько это было возможно, с отправкой армии и сам выдвигаться вместе с обозом и подкреплениями. Либо, если ожидание затянется, найти способ покинуть Спарту, чтобы прибыть к Фермопилам вместе с личным обозом, груженным оружием победы. В сопровождении специально обученных периеков, конечно.

Двоих илотов и еще одного ценного человека – алхимика, – которого он пока держал среди периеков со всем своим скарбом, Тарас уже взял с собой. Теперь у него было сразу два оруженосца из рабов, что не возбранялось. Некоторые спартанцы имели и по пять.

Услышав ответ Никомеда, Тарас кивнул и стал облачаться в панцирь, который уже принес Этокл. Вскоре почти одновременно к палатке Гисандра подошли спартанцы и Бриант, спешивший по тропе от деревни.

– Приветствую тебя, Гисандр, – поздоровался с ним Оффриад, остановившись в двух шагах и опершись о копье, – куда ты поведешь нас?

– Мы пойдем в горы искать тайную тропу, о которой нам поведали местные пастухи, – сообщил Тарас, подпрыгивая на месте и встряхнувшись, чтобы проверить, как плотно сидит на нем доспех.

– Я не знал, что здесь есть обходная тропа, – поделился сомнениями Эгор.

– До вчерашнего дня не знал и я, – не моргнув глазом, соврал Тарас, – но если она есть и персы найдут ее раньше, то смогут спуститься где-то там у Альпен, в нашем тылу.

Он вскинул руку в направлении отрогов, уходивших на север, за которыми пряталась ближайшая деревушка.

– А твои люди, что сообщили тебе о ней, – проговорил Архелон, растягивая слова, – им можно доверять?

– Сейчас и узнаем, – просто ответил Тарас, и, обернув-

шись к запыхавшемуся Биранту, спросил: – Ну, что тебе рассказали пастухи?

– Тропа есть, – подтвердил илот, посмотрев на сгрудившихся неподалеку спартанцев так, словно им не следовало знать о ней, но, увидев одобрителный кивок Тараса, продолжил: – Они проведут нас до ближайшего перевала, через который сами гоняют коз из Локриды в Малиду.

«Молодец, Бриант, – мысленно похвалил Тарас своего бойца за попытку скрыть информацию, – не забыл уроки. Конспирация, первое дело. Главное, чтобы никто не знал того, что знаем мы. Или не понимал того, что происходит».

– Ты предупредил их, чтобы они молчали о нашем разговоре? – уточнил командир эномотии.

– Да, – кивнул илот, который уже перевел дух.

– Ладно, – кивнул Тарас, – возьми мое копье и веди нас к пастухам.

– Они ждут нас у самых Альпен, господин, – добавил Бриант, указав на поросшие густым лесом горы, чьи вершины уже начинало поджаривать солнце, – а тропа, говорят, начинается где-то вон там, за отрогом. До нее еще надо дойти.

– Тогда поторопись, – произнес Гисандр, первым направляясь вниз меж палаток.

– Ты возьмешь с собой периекских лучников? – удивился Офриад, глядя, как пятеро легко вооруженных воинов пристраиваются им вслед. Двое из них несли за спиной на ляшках нечто замотанное в тряпки, схожее видом с небольшим

луком. На боку у каждого действительно висел колчан, но стрелы показались ему очень короткими.

– Они могут пригодиться, если мы случайно столкнемся на тропе с персами, – охотно пояснил Тарас.

– Что же, может быть, ты и прав, – нехотя согласился Оффриад, – хотя спартамцам больше пристало сражаться копьем и мечом.

– Вот потому-то мы и не берем в руки луков, – усмехнулся Тарас.

Когда лагерь почти остался позади, отряду повстречался Хрис, предводитель локров, без потерь вернувшихся в лагерь с «ночного дежурства». Персы действительно не посмели атаковать Фермопилы, уверенные в том, что их бессленно охраняют спартамцы.

– Гисандр, – Хрис с удивлением воззрился на красные плащи спартиатов, – а разве ты не должен вместе с Леонидом охранять проход?

– Я его и охраняю, – туманно ответил Тарас и, не удостоив командира локров объяснениями, продолжил спускаться по тропе меж камней.

Вскоре они были на краю деревни, что входила в земли, подчинявшиеся городу Трахин. Часть солдат из Трахина тоже пришла оборонять ущелье еще до тех пор, пока город не заняли персы.

Трое поджарых парней в рваных хитонах, подпоясанные поясами, ожидали их на краю Альпен, откуда несколько тро-

пинок расходилось в разные стороны, пропадая среди скал. Пойти разберись, которая в конечном итоге вела через горы в нужном направлении. Без проводника отыскать ее было не реально. Но самих проводников Тарас, кажется, нашел.

– Я Гисандр из Спарты, – объявил пастухам Тарас, едва приблизился к ним.

Мог бы и не называться. Пастухи быстро поклонились, – вооруженные до зубов гоплиты в красных плащах были хорошо известны всем грекам. И каждый знал, что лучше с ними не спорить. Особенно если ты не воин, а простой крестьянин.

– Мой раб сказал, что вы покажете нам тропу в Малиду, – не столько спросил, сколько приказал Тарас. – Вы знаете ее?

– Да, господин, – ответил самый старший из парней, – мы иногда гоняем по ней коз. Очень редко. Поэтому о ней почти никто не вспоминает.

– Иногда? – удивился Тарас, слегка нахмурившись.

– Чаще мы пользуемся другой дорогой в Малиду, – пояснил пастух, – через Фермопильское ущелье, так безопаснее. Но теперь там не пройти.

– Куда ведет тропа? – уточнил Тарас.

– Она резко поднимается в горы, там довольно круто. В прошлый раз Орат потерял там десять коз, – продолжал излагать старший пастух, указав на одного из молодых помощников. – И проходя через два перевала, спускается на равнину недалеко от моря. Говорят, там уже стоят персы.

– Значит, путь не близкий, – проговорил Архелон, внимательно слушавший весь разговор.

– Надо взять с собой еды хотя бы на два дня, – посоветовал Эгор.

– Я позаботился об этом, – кивнул Тарас в сторону илотов, тащивших кроме копья и щита грубый мешок с походной снедью, – ведь Леонид хочет, чтобы мы прошли всю эту тропу до конца и своими глазами увидели, где она заканчивается.

– Тогда следует поторопиться, – вступил в разговор Оффриад.

– Ты прав, – не стал спорить Тарас и, махнув старшему пастуху рукой в сторону гор, сказал: – Показывай дорогу.

– Но, – все же осторожно попытался возразить тот, услышав про два дня, – мы хотели бы вернуться назад вечером. Ведь вашему слуге мы сообщили, что доведем вас до первого перевала.

– Ты вернешься тогда, когда мы отпустим тебя, – заявил ему Оффриад, выступая вперед, – или не вернешься совсем.

Пастух вздрогнул и подчинился. Вариантов у него было не много, на что способны в гневе воины Спарты ему не надо было объяснять. А потому пастухи, встав в голову колонну, повели за собой весь отряд. Сразу за ними шел Тарас с илотами, следом все спартанцы с оруженосцами, и замыкали колонну пятеро периеков.

Обогнув ближайший отрог, они вскоре оставили деревню

позади себя и стали карабкаться в горы по одной из многочисленных и довольно широких троп, по каждой из которых могли подниматься сразу двое человек. На каменистой земле были отчетливо видны следы копыт и засохшие испражнения. Не единожды проходившие здесь животные качественно «пометили» этот путь.

Переставляя ноги в сандалиях с большой осторожностью, Тарас несколько раз оглядывался назад: не следит ли кто за ними. Но пока никого не заметил. Кроме того, он отдал приказ арьергарду из периеков чуть поотстать, и тоже посматривать назад. До поры никто не должен знать об этой тропе, кроме них. О пастухах теперь можно было не беспокоиться.

Оставшиеся в лагере греческие воины предавались праздному времяпровождению, ожидая вестей от Леонида. Такое отношение к войне этих бойцов, когда враг в двух шагах, раздражало Тараса. «Впрочем, что с них взять, – подумал он, взбираясь на очередной уступ, с которого в разрывах кипарисов и зарослей колючих кустарников открывался живописный вид на долину и лагерь, полный людей, – они привыкли воевать именно так. Только днем и желательно на ровном месте, а еще лучше договорившись с противником о времени встречи. Ведь даже мы, да простит меня Леонид, просто стоим и ждем, когда персы приблизятся. Нет, надо внести кое-что новенькое от себя в этот расклад. Иначе победы не жди».

Рассматривая с высоты лагерь, Тарас особенно не беспо-

коился, что его заметят. Отсюда их уже было не разглядеть. Кругом лес и кустарник, которым поросли все склоны. В этой «зеленке» были плохо различимы даже красные плащи и блестящие доспехи спартанцев. А одетые поверх доспехов в коричнево-серые лохмотья периеки, вообще сливались с камнями. Тарас учитывал подготовку десантников и опыт ведения горной войны. Греки свои горы тоже знали не понаслышке, но видели они их совершенно другим зрением.

Вскоре лес стал редеть, а многочисленные тропинки слились сначала всего в две, которые затем разошлись в разные стороны. Оставшись в единственном числе, последняя тропинка еще и заметно сузилась. Кое-где она проходила теперь по краю почти вертикального склона, местами походившего на обрыв.

– Это здесь твой дружок Орат потерял десять коз? – уточнил Тарас у старшего пастуха по имени Лисий, когда из-под его ноги сорвался и ускакал вниз камень, вызвав небольшую осыпь.

– Нет, – ответил тот, оборачиваясь, – это случилось дальше, у второго перевала, а мы еще не дошли до первого. Там будет гораздо круче.

– Расстроился, наверное, – предположил Тарас, заметив с каким трепетом взрослый пастух относился к молодому, то и дело прихватывая того за талию, когда они шли рядом по узкой тропе, – десять коз стоят недешево.

– Да, – мечтательно протянул пастух, даже останавлива-

ясь, — мы с Оратом любим коз. Всю жизнь с ними живем в этих горах. Для нас это была большая потеря.

«Интересно, чем вы с этими козами тут занимаетесь, — невольно подумал Тарас, поправляя съехавший плащ и вытирая раскрасневшееся от жары лицо, — с вас, греков, станет. Еще и не такое вытворяете в этих идиллических местах, извращенцы».

Подумав так, Тарас вдруг на минуту вновь ощутил себя русским, просто заброшенным к спартанцам для того, чтобы выведать все их секреты. Вспомнил невольно и все что читал в прошлой жизни о греческих богах и героях. А читал он в детстве в основном мифы, из которых следовало, что стать героем типа Геракла или Персея мог только плод любовной связи бога и человека. Причем в каждой такой связи обязательно поучаствовал любвеобильный Зевс, являвшийся к чужим женам и покрывавший их то в образе лебедя, то жеребца, то быка, то льва. В общем, у пастуха Лисия по части зоофилии или других извращений было немало примеров из народных сказаний, чтобы с чистым сердцем пойти по стезе порока и разврата, который он считал нормой жизни, а где-то даже божественным началом.

«Да, — вздохнул Тарас, морщась от своих размышлений, — и кого только не развратили древние „цивилизованные“ греки. Говорят, даже персов научили спать с мальчиками. И чего им не хватает, вроде бы столько баб кругом и ходят почти без одежды».

Отогнав эти гнилые размышления, Тарас вновь стал смотреть на тропу, забиравшую все круче вверх. Вскоре на одном из перепадов, где послышался шум горного ручья или небольшой речки, ему даже пришлось карабкаться, хватаясь за камни руками и подтягиваясь вверх, рискуя рухнуть на головы ползшим позади него илотам. «И как только здесь козы пробираются, – удивлялся Тарас, – хорошо еще, что руки свободны».

Его шлем и щит нес Этокл, а копье Бриант, скакавшие по камням следом за ним. Сам же Тарас был облачен в доспех с наручами и поножами, а также вооружен мечом, висевшим на поясе, который стучал его по ляжкам во время движения. Но мало ли кого можно было встретить на этой тропе, и остаться совсем безоружным он не рискнул.

Однако спартанцы были приучены и не к таким переходам. Никто не роптал и не ругался. Даже наоборот, движение шло довольно быстро, а Офриад все время торопил илотов Тараса, подталкивая их в спину, недовольный медлительностью слуг.

Наконец, когда солнце прошло зенит, а день вступил в силу, отряд достиг первого перевала. Выйдя из внезапно закончившегося леса на небольшое плато и легко преодолев вброд текущую меж камней неглубокую речку, спартанцы остановились, повинувшись знаку командира.

– Отдохнем! – приказал Гисандр.

– Мы не устали, Гисандр, – ухмыльнулся двужильный Оф-

риад, хотя пот с него тек в три ручья, – можем идти дальше.

Позади него молча остановились Эгор, Архелон и остальные, поглядывавшие на Гисандра.

– Надо осмотреться, – настоял на своем Тарас, знавший, что спартанцы всегда будут хорохориться, сохраняя лицо, даже если умирают. – Этокл и Лисий, идите за мной.

Сложив у ближайшего камня тяжелый щит, Этокл последовал за хозяином, так же как и старший пастух. Небольшая морена выходила к обрыву, с которого открывался вид на узкую горную долину, где не было видно никаких поселений. Вряд ли тут кто-нибудь жил, кроме диких животных. Здесь было заметно прохладнее, чем внизу, а кое-где под камнями Тарас даже разглядел снег.

– Далеко еще до второго перевала? – спросил он Лисия, подхватив горсть снега из-под ближайшего валуна и сжав ее в ладони. Снег приятно хрустнул под пальцами, напоминая о чем-то давно забытом.

– Вот он, – указал пастух на более высокий перевал, что виднелся между двумя вершинами на другом конце долины, почти напротив того места, где они стояли, – если поторопимся, до темноты можем успеть. Но придется прямо там и заночевать. Под перевалом есть пара мест, где можно разжечь костер и подогреть пищу. С козами мы ходили дольше, и часто там останавливались.

Тарас проследил за его жестом. По прямой расстояние было невелико. Но он отлично знал, что в горах никто по пря-

мой не ходит. Им предстояло до темноты обойти краем всю долину, по заросшему лесом и кустарником склону. А это удовольствие не из самых приятных. Но война, есть война. «Зато нас там никто не ждет», – порадовал себя Тарас, хотя в глубине души почему-то шевельнулся червячок сомнения.

– Ты можешь возвращаться к месту привала, – отпустил проводника Тарас и, подождав, пока тот удалится на приличное расстояние, обернулся к стоявшему рядом илоту: – Разыщите периеков и скажите Никомеру, чтобы он пришел сюда.

Не прошло и десяти минут, пока Тарас отдыхал, присев на валун и созерцая горную долину, как у него за спиной раздалось сопение двоих уставших людей. Все это время Тарас прислушивался к своему предчувствию, говорившему, что скоро это путешествие перестанет быть простой прогулкой на свежем воздухе.

– Никомер, – произнес Тарас, осмотревшись по сторонам и убедившись, что никто из спартанцев их не слышит, – ты видел кого-нибудь позади нас?

– Нет, хозяин, – ответил тот, отдышавшись и поправив замотанный в тряпки предмет за спиной, – за нами никто не увязался. Да и тропа так часто петляла и расходилась в стороны, что, не зная дороги, проследить за отрядом было невозможно.

– Хорошо, – кивнул Тарас, – ты и второй воин с гастропедами сейчас переместитесь в голову колонны и пойдете ря-

дом со мной. Думаю, скоро вы оба мне очень пригодитесь. Можешь идти.

Никомед молча кивнул и отправился за вторым бойцом. Тарас, закончив осмотр местности, вернулся назад в сопровождении илота. Спартанцы уже достаточно отдохнули и занимались гимнастическими упражнениями. А Эгор с Археолоном вообще прыгали друг напротив друга и отрабатывали удары ногами в корпус, которым их научил Тарас, дав-таки друзьям обещанные уроки карате. Сидевший рядом Оффриад смотрел во все глаза и не мог понять, что за неприличные пляски исполняют эти двое спартиатов. Пастухи сидели в обнимку за кустарником и мило беседовали, разве что не целовались.

– Выступаем! – крикнул Тарас, нарушив эту идиллию, едва завидел бойцов с гастралетами за спиной, приближавшихся к нему. – К вечеру мы должны быть у второго перевала.

Примерно пару километров тропа оставалась довольно широкой, хоть и петляла между валунов и деревьев. Потому Тарас даже перешел на легкий бег, заставив попотеть всех своих бойцов. Впрочем, никто кроме пастухов, на это не жаловался. Да и те, хоть измотались вконец, даже не пискнули, взглянув на суровое выражение лица командира эномотии, когда он разрешил наконец передохнуть уже почти под самым перевалом.

День к тому времени уже почти закончился. Солнце быст-

ро падало за кромку скал, погружая весь греческий мир во тьму. И Гисандр, дав отряду пять минут отдышаться, приказал продолжить движение, чтобы разыскать еще до темноты одну из тех стоянок, о которых говорили пастухи.

К перевалу они все же успели в последних лучах заката. Но все стоянки оказались на другой стороне. И поэтому дальше шли уже почти в полной темноте. А когда преодолели сам перевал, то мрак был уже кромешным. К счастью, быстро стали зажигаться звезды, и появилась луна, слегка посеребрив вершины гор. Хотя спартанцам было абсолютно все равно, когда идти, днем или ночью. Все они еще хорошо помнили криптии, во время которых приходилось подолгу бродить по ночам с ножом в руке, в надежде найти и прирезать одиноко бредущего илота.

Перевал, особенно средняя часть седловины, оказался совсем узким. Это были, конечно, не Фермопилы, но кое-какое сходство имелось. Сквозь этот проход могло свободно пройти человек пять, не больше. А для коз вообще было раздолье.

– Здесь ты гонял своих коз, пастух? – уточнил Тарас у Лисия, что брел впереди вместе с Никомедом и Мегаклидом.

– Да, это и есть второй перевал, – подтвердил тот, – а ближайшая стоянка у горного ручья уже близко. Вон там, слева. Осталось пройти пару стадий по тропе, и мы услышим шум воды. Мы всегда здесь останавливались, чтобы напоить коз. Только надо двигаться осторожно, скоро начнется обрыв.

– А здесь неплохое место, чтобы построить еще одну сте-

ну, перегородив проход, – вслух подумал Тарас, подытожив свои наблюдения.

Он уже немного расслабился. Путь был почти пройден, скоро они устроятся на ночлег, разведут костры и поедят свежего мяса – Бриант по дороге убил горную козу и теперь тащил ее на себе. Но едва они поднялись на очередное возвышение, как увидели огни. На той самой стоянке, которую предрекал Лисий, уже горело несколько костров. Впрочем, умело укрытых камнями со всех сторон от постороннего взгляда. Если бы они не смотрели на них с самого верха, то возможно, и не разглядели бы эти всполохи даже в крошечной темноте. Те, кто их разжег, явно не хотели быть замеченными раньше времени.

– Стоять! – прошипел Тарас и замер на месте, присматриваясь к фигурам в длинных балахонах, бродивших вокруг костра. Их высокие тиары, бороды, луки и короткие копья не оставляли сомнений – персы!

Глава четвертая

Вакханалия

Путь до следующего пункта назначения, периекского городка Прасии, проходил вдоль по берегу моря. Оставив позади обширные угодья царя Леонида, немного поколебавшие веру Тараса во всеобщее равенство даже в Спарте, геронт и его сын некоторое время молчали, предаваясь созерцанию. Уж больно день был хорош. Песчано-желтые скалы, сквозь которые проходила великолепно вымощенная камнем дорога, поросли редкими деревцами с сочно-зеленой листвой. Лазурное море поблескивало под лучами солнца, навевая умиротворение. Глядя на все эти красоты, Тарас даже позабыл о цели поездки и под скрип телеги, которой теперь правил Панорм, стал предаваться сладостным воспоминаниям. А вспомнить хотелось многое.

Перед свадьбой, хотя Тарас и был уже «заслуженным» воином, несмотря на свой возраст, папаша невесты решил устроить ему несколько испытаний, прежде чем отдать свою дочь. И Тарас не мог отказаться, — Автоний имел на это все отцовские права.

К счастью, все испытания, кроме некоторых, были на силу и ловкость. Сначала инструктор эфебов потребовал от Тараса метать копье на меткость и тяжелые камни на дальность. Эти состязания новоиспеченный спартиат выиграл с легко-

стью, оставив позади всех лучших эфебов Амикл, воспитанных будущим тестем.

Тогда уязвленный Автоний «предложил» ему подобно древним героям состязаться в беге с конем.

– На нем будет сидеть один из моих эфебов, – заявил Автоний, нервно поглаживая бороду, и указав на рослого парня. – Он проскачет три круга, а ты должен пробежать их быстрее.

Прежде чем ответить, Тарас помолчал. Он чувствовал себя немного уставшим: эти предсвадебные «олимпийские игры» в Амиклах слегка затянулись. Но Елена с любопытством наблюдала за ним из-за ограды стадиона, и он не мог ударить лицом в грязь.

– Выиграешь – ты победил, Гисандр, – добавил Автоний, хитро прищурившись, – а в случае проигрыша должен будешь вычистить конюшни на дальнем краю стадиона. А потом биться сразу с пятью моими лучшими эфебами на мечях.

«А тесть у меня не промах, – усмехнулся Тарас, поглядев на длинный сарай, где обитали местные лошади, которых в основном использовали на работах, а изредка для упражнений эфебов в ловкости, хотя конницы у спартанцев и не было, – просто так дочь не отдаст. Хорошо еще не заставляет биться со всей армией Аргоса. Ну, а с пятью пацанами я как-нибудь управлюсь, надо лишь обогнать этого вялого тяжело-воза».

Скользнув по скуластым лицам поджарых длинноволосых

парней в серых гиматиях, шагнувших вперед по команде Автония, Тарас кивнул. Особого выбора у него не было. А качать права он не собирался – это было ниже достоинства настоящего спартамца.

– Давайте сюда вашего коня, – решил Тарас.

Автоний махнул рукой уже выбранному для этого состязания эфебу. Тот вскочил на коня без всякого седла, надал ему пятками и устремился во весь опор вдоль деревянной ограды стадиона. Тарас, отстав на несколько шагов, устремился за ним. Он бежал изо всех сил, да и подготовка имела. Не раз и не два Хрисид гонял свой лох по окрестным горам Пелланы с полной выкладкой. И Тарас выдерживал эти марш-броски, не жалуясь. Однако здесь ему все время приходилось догонять. Хотя на втором круге Тарас метров двадцать даже продержался впереди, но к третьему уже иссяк и, как ни старался, так и не смог догнать лошадь. Уж больно прыткой, на удивление, та оказалась.

«Ну, просто Геракл какой-то», – усмехался Тарас, разгребая чуть позже засохшее дерьмо деревянной лопатой, пока привязанные к крюкам лошади смотрели на него немигающим взглядом. На эту работу у него ушло почти два часа, вслед за чем он должен был драться сразу с пятью лучшими эфебами Автония.

Едва Тарас вышел из конюшен весь в соломе и провалявшийся лошадиными испражнениями, учитель фехтования – лучше бы он этого не делал – с ухмылкой напомнил ему об

этом. К тому моменту, как Тарас закончил разгребать дерьмо, он был уже на взводе.

Первым же ударом рукояти затупленного меча в челюсть спартанец отправил в нокаут самого рослого из противников. Второго, отбив удар клинка сверху, «угостил» ударом ноги в пах, заставив надолго позабыть про женщин. Выронив меч и щит, парень выл, катаясь по траве. А Гисандр тем временем быстро расправился с остальными.

Третий эфеб чуть дальше, чем положено выставил вперед левую ногу и тут же получил мощный удар по колену, в котором что-то хрустнуло. Гисандр был очень зол и не заботился о том, как эти парни завтра будут «тащить службу». Пусть уж их учитель фехтования сам разбирается с педономом и начальником лагеря, раз решил подключить их к испытаниям жениха своей дочери. Потеряв все оружие, и этот достойный эфеб присоединился к своему «однокласснику», уже валявшемуся на траве.

Оставалось двое самых стойких ребят, с которыми пришлось немного повозиться. Они нападали то попеременно, то разом, даже заставив Гисандра некоторое время отступать. Отбивая удары щитом и уклоняясь от них, Тарас выжидал момента, чтобы наказать кого-то из быстрых эфебов за первую же ошибку. Но те ошибок не делали. В общем, это были достойные противники. И все же Тарас не мог позволить себе проиграть второе состязание подряд на глазах у молодой невесты, хотя оно и могло показаться несправедли-

ВЫМ.

– Спартанцы не сдаются, – сплюнул он кровь из рассеченной губы, когда пропустил удар тупым мечом, едва не лишивший его глаза, и нанес ответный ногой в грудь раскрывшемуся противнику, – они либо побеждают...

Парень отлетел назад и, споткнувшись, рухнул навзничь, распластавшись на траве.

– ...либо умирают! – пригнувшись, Тарас крепко уперся ногами в землю, сгруппировался, пропустил просвистевший над головой меч последнего бойца и жестко принял его корпус на плечо. По инерции эфеб, задохнувшись от удара в солнечное сплетение, перелетел через Гисандра и упал позади него, выронив щит. Но тут же поднялся, выставив вперед меч, бешено вращая глазами и ловя ртом воздух.

– А ты крепкий парень, – удовлетворенно заметил спартиат, молниеносным движением вышибая меч из дрожащей руки и повторяя удар ногой в грудь.

– Ну, вот и конец испытаниям, – пробормотал он, убедившись, что эфеб лежит лицом вниз, и откинул носком сандалии в сторону скатившийся с головы противника шлем. Для верности Тарас бросил взгляд на Автония, наблюдавшего весь поединок, – не измыслил ли тот еще что-нибудь?

– Странно ты дерешься, – произнес будущий тесть, – но эффективно. Кто тебя научил?

– Один мастер, – туманно ответил Тарас и добавил, вспомнив удивление Эгора и Архелона, – из местных.

– Кто он? – уточнил Автоний. – Я его должен знать.

– Вряд ли, – напрягся Тарас, не желая продолжать этот разговор, – он учил меня в детстве и давно умер.

– Жаль, – нехотя отступил Автоний, – хороший был мастер, раз ты так запросто уложил пятерых моих лучших учеников, почти не используя меч. Можешь считать, что прошел испытания... родственник.

На этот раз по лицу бородатого крепыща Автония, скрепившего руки на груди, промелькнула настоящая улыбка, за которой не скрывалось никакого подвоха.

Окинув взглядом стонавших на поле битвы эфебов и не найдя глазами Елену, Тарас устало кивнул, как будто речь шла о рядовом событии, и отошел к ручью, который тек на дальнем краю поля, чтобы омыть свою рану. Кровь уже почти запеклась, но губа была слегка надорвана. А попади эфеб чуть выше – иметь бы Елене одноглазого жениха.

Тарас перелез через ограждение. Раздвинув высокий, в рост человека, кустарник, который густо рос по обоим берегам и, зачерпнув ладонью воду, стал смывать кровь. Рана саднила и должна была еще некоторое время болеть, но Тараса отвлек от грустных размышлений внезапно раздавшийся голос.

– Ты храбро бился, воин, и теперь я принадлежу лишь тебе.

Тарас перестал скрести свою губу и поднял глаза, – перед ним никого не было. На другом берегу ручья лишь колых-

нулся кустарник, словно с ним заговорила речная нимфа и, едва сообщив приятную весть, скрылась в водах. Правда, голос у нимфы был очень знакомый. И Тарас некоторое время ждал, не сводя взгляда с противоположного берега, отделенного от него лишь парой метров. И дождался. Спустя мгновение из кустов появилась Елена, босая, в невесомой тунике и с распущенными волосами. Войдя в воду, она медленно направилась к нему. Глядя на это соблазнительное тело, обтянутое мокрой тканью, Тарас мгновенно позабыл все свои раны. Казалось, и кровь прекратила струиться из рассеченной губы.

Оказавшись рядом, она обвила его шею руками и приникла в поцелуе, нисколько не смущаясь кровоточившей раной. Даже напротив, осторожно погладив ее нежной ладонью. Ответив на поцелуй, Тарас обхватил ее упругое тело и захотел обладать ею тут же, прямо на песке, не обращая внимания на то, что за спиной у него огромный стадион, а вокруг целый город. И не маленький, по здешним меркам. Правда место было тихое, и к стадиону примыкала роща, довольно густая, исполнявшая роль местного парка. А ближайшие дома горожан были лишь в нескольких сотнях метров.

– Я хочу быть с тобой прямо сейчас, – заявил Тарас, обшаривая пальцами все изгибы стана своей возлюбленной.

– Здесь нас могут увидеть, и отец еще не ушел с поля, – проговорила Елена, уже таявшая в руках Гисандра, однако, добавила, лукаво улыбнувшись: – Но победитель должен по-

лучить награду.

И она увлекла его сквозь ручей и кусты в рощу. Там, пробежав метров пятьдесят и отыскав укромный уголок, укрытый со всех сторон листвой, Тарас уже хотел повалить ее на траву, как девушка вдруг уперлась в его грудь рукой и указала на дерево. Поначалу нетерпеливый Тарас не понял, чего она хочет. Но, проследив за ее жестом, увидел раскидистое дерево неизвестной породы, похожее на иву. Ее широкий ствол буквально в двух метрах от земли расходился на несколько мощных почти горизонтальных веток. Таких, что, изогнувшись рядом, создавали природное ложе, укрытое от посторонних взглядов листвой.

– Ты хочешь заняться этим на дереве? – Тарас не ожидал такой игривости от скромной гимнастки.

– Это особое дерево, – почти серьезно произнесла Елена, – говорят, здесь обитает дух рощи и встречается на нем с нимфами. А иногда сюда заходит Дионис.

– Тогда не будем гневить духов, – сразу согласился Тарас, озираясь по сторонам, – давай побыстрее залезем на дерево и попробуем, пока не пришел Дионис. Или... еще кто-нибудь.

Он помог взобраться Елене на дерево и, пока она устраивалась там, сорвал с себя доспехи, бросил их прямо на траву вместе с мечом и вскарабкался следом. Такого в своей жизни он еще не делал. Конечно, кора немного царапала колени, а обнимать девушку, держась одной рукой за ствол, чтобы не свалиться вниз, было не очень удобно, но Тарас справился

с этой нелегкой задачей. Спартанцы не отступают ни перед чем. Обвив его шею руками, обнаженная Елена стонала так, что Тарас уже начал переживать, не сбегутся ли на крики все местные духи или прохожие. Но обошлось. А второй раз он уже наловчился и проделал то же самое «без рук», крепко держась за набухшие груди и балансируя на сотрясавшихся ветвях. В общем, Дионис мог быть доволен.

Проводив Елену кружным путем домой, где, к счастью, Автония еще не было – видно, все еще занимался на стадионе со своими эфебами, – Тарас вновь повалил ее на лежанку и успел доставить девушке удовлетворение еще пару раз. Простились они окончательно разомлевшие, договорившись о скорой встрече. И тем же вечером Тарас отправился в свое имение, но по дороге заглянул к отцу, которого обещал навестить.

Геронт был дома и с удовольствием принял сына. Переночевав и набравшись сил, Тарас, впрочем, не сразу отбыл из окрестностей Спарты в дальнейшее путешествие. Ему помешало одно обстоятельство, вернее целых три.

– Что это с твоим лицом? – утром буднично поинтересовался Поликарх, привыкший за свою долгую жизнь к увечьям среди бойцов.

– Да так, – отмахнулся Тарас, выпивая воду из кувшина и поглаживая небольшой шрам на губе, – до свадьбы заживет. Обряд проходил.

– Ну и как? – усмехнулся мудрый геронт, прищурившись

на солнце.

Они стояли на балконе, наблюдая за мирно работающими на полях илотами и обзореая окрестные пейзажи, в которых преобладал желто-золотистый цвет.

– Прошел, – подтвердил Тарас, – правда, для этого пришлось научить жизни пятерых эфебов.

Про конюшни Тарас умолчал, ведь, в конце концов, он получил в тот день даже больше, чем рассчитывал.

– Я и не сомневался, – приобнял его за плечо геронт, – значит, скоро свадьба?

– Ну, да, – кивнул Тарас, вспоминая о том, что Елена хотела приурочить ее к первой неделе после очередного религиозного праздника. Не то Артемиды, не то Аполлона. Каждое из божеств носило у спартанцев сразу несколько эпитетов и считалось отдельной ипостасью бога, а потому и праздников было великое множество. До того праздника, за которым должна была последовать свадьба, оставалось уже немного. Буквально пару недель.

– А что, Гисандр, – вдруг сальным голосом проговорил геронт, проводив взглядом проходившую мимо сарая Хилониду, даже с корзиной на голове грациозно покачивающую бедрами, – не хочешь ли ты на последок поразмяться с нежными козочками? Ведь Елена, насколько я успел узнать ее, потом тебе спуска не даст. Она достойная партия и ее надо чтить, как жену.

«Похоже, папаша сам предлагает мне устроить мальчиш-

ник, — догадался Тарас, — неплохая идея. Да и не в двадцатом веке появилась, как я погляжу».

— Ну, мне, конечно, надо возвращаться в Пеллану, — не очень усердно стал возражать Тарас, — но на один денек я мог бы задержаться.

— Я все готовлю, — взялся за дело геронт, ухмыльнувшись, — ты будешь доволен.

Он резко обернулся, собираясь спускаться по лестнице, однако, пройдя пару шагов, остановился.

— Но чтобы потом, Гисандр, ты вел себя достойно.

— Обещаю, — проговорил Тарас, которого уже захлестнули мысли отнюдь не платонического содержания, когда он заметил еще одну рабыню, немногим старше Хилониды, что склонилась в интересной позе на поле, выдергивая из земли какие-то овощи. Ее хитон натянулся, поднявшись вверх, оголив загорелые ляжки. А все остальное распалившееся воображение Тараса уже дорисовало.

Тем же вечером Поликарх, исчезнувший куда-то на полдня, сообщил Тарасу, что он может отправляться в известный ему сарай, где его ждет много приятного.

— Извини, не смог удержаться и проболтался, — заметил престарелый геронт с легкой завистью в голосе, — желаю отлично провести ночь. Все, что тебе нужно для этого, ты найдешь в сарае.

От предвкушения новой встречи с милашкой Хилонидой Тарас едва не возбудился уже по дороге. Но, проникнув в

сумраке под крышу уже известного ему вдоль и поперек сарая, оторопел от увиденного. Старик геронт постарался на славу, чтобы насытить последние холостяцкие дни Гисандра плотскими утехами.

Присев на копну сена, его ожидали сразу пять обнаженных дев, среди которых была и Хилонида. Но ее еще девичьи груди терялись теперь на фоне куда более пышных форм длинноволосых гречанок. Скользнув взглядом по лицам, Тарас узнал только троих – это были рабыни «отца». А еще двух прелестниц ему, похоже, одолжил сосед. Разглядывая это буйство плоти, Тарас почувствовал, как за его спиной пробежал призрак Вакха.

– Одна жена хорошо, а две лучше, – пробормотал он, приближаясь, – ну а пять, вообще великолепно. И почему я не султан?

Гречанки воззрились на него, молча ожидая, кого он выберет первой. Присев между обнаженных дев, Тарас едва не опрокинул кувшин и плошки со снедью, вопреки всем спартанским законам, оказавшиеся здесь. Но тут же ухватился за эту возможность оттянуть выбор, неожиданно ставший для него проблемой.

– Хилонида, налей-ка вина, – попросил Тарас, чтобы иметь время справиться с охватившим его замешательством, а пока молодая прелестница выполняла его просьбу, ощутил горячее бедро сидевшей рядом пышной крестьянки с узким лицом и длинными черными волосами.

Не в силах сдержаться, он положил свою руку на ее бедро и провел по коже, гладкой как шелк. Девушка вздрогнула, словно от разряда тока, и слегка напряглась, осмелившись поднять глаза на молодого хозяина. Это были глаза испуганной серны. Тарас некоторое время гладил рукой ее бедро, а потом запустил руку еще ниже. Затем быстро повалил ее на живот и пристроился сзади, обхватив упругие ягодицы.

– Эх, Хилонида, – пробормотал Тарас и вошел в уже готовую к соитию девушку.

А когда, немного подвигав бедрами, он со стоном закончил в первый раз, то, наконец, расслабился и с удовольствием выпил вина. После чего принялся за Хилониду, ничуть не расстроенную тем, что первой выбрали не ее.

«Нет, все-таки греки развратят кого угодно», – думал Тарас, когда прошел полный круг и отдыхал перед заходом на второй, с наслаждением барахтаясь между пяти потных тел. Эта ночь пролетела мгновенно и показалась ему очень короткой. А когда он, изможденный любовными играми, покидал вместе со своим гаремом на одну ночь сарай, ему вновь слышался смех Вакха. Но Тарас не стал обращать внимания на свои галлюцинации, ведь без этого греховодника здесь явно не обошлось.

Поспав до обеда, чтобы набраться сил, Тарас, наконец, облачился в свои доспехи и в сопровождении верного Этокла отправился в сторону Пелланы. Сладкие ночные воспоминания еще не успели выветриться из головы, когда он миновал

Спарту и углубился в оливковую рощу. Вскоре позади слышался шум – стук копыт и скрип колесницы. Тарас обернулся, чтобы рассмотреть приближавшихся людей. Нечасто на этой дороге можно было увидеть такое средство передвижения для богатых, все чаще попадались крестьянские телеги или обычные повозки. В колесницах разъезжали лишь самые помпезные из спартанцев, что осуждалось остальными.

Не прошло и минуты, как с ним действительно поравнялась колесница, в которой стояла еще одна знакомая прелестница – та самая черноволосая бестия, что поборола Елену в первой же схватке и стала лучшей среди молодых спартанок на Гимнопедиях. Звали ее Гелона. Первое, о чем невольно вспомнил Тарас, это то, как она настойчиво терлась о его уставшее тело своими бедрами, вызывая желание во время парада победителей. Тогда он едва сдержался. А сейчас в нем возникло стойкое предчувствие, что неспроста она появилась на этой пустынной дороге. Похоже, кое-кто с небольшими рожками и хвостом, опять постарался.

– Здравствуй, Гисандр, – первой начала разговор воительница, иначе было и не назвать эту крупную девушку, затянутую вместо хитона в кожаную мужскую рубашку, которую обычно носили спартанцы под панцирем, – я еду по этой дороге в свое имение. Если нам по пути, то я могу подвезти тебя.

– Я не устал, – ответил Тарас, отклонив голову в шлеме немного назад и медленно осматривая ее прелести сни-

зу вверх: девчонка была кровь с молоком, и первое, что он заметил, была необъятных размеров мускулистая и хорошо прокачанная физическими упражнениями попа, крепко державшаяся на мощных бедрах. Не зря Гелоне достался первый приз за борьбу. Все остальное тоже было на месте. Лицо у спартанки было красивое, яркое, выразительное. Но попа!

– Пожалуй, я проеду с тобой некоторое время, – сдался Тарас, запрыгивая в колесницу, откуда он бросил взгляд на Этокла, тащившего щит и копье, и сказал с нажимом:

– А ты пойдешь пешком следом за нами. До конца роши. Но не слишком торопись.

Этокл молча поклонился, быстро уловив, к чему клонит хозяин. Гелона, словно всю жизнь ждала этого момента, хлестнула лошадей, и они быстро оставили медленно бредущего оруженосца позади. То, что оба они, едва встретившись, подумали об одном и том же, Тарас понял очень быстро. Буквально через пару минут. Стоило Этоклу исчезнуть из виду, и Гелона вновь повела себя как на Гимнопедиях – стала нежно прижиматься бедром. Да с каждым мгновением все плотнее, явно давая понять, что на этот раз Тараса ничто не спасет от ее желания. И хотя ехали они молча, разговоры были уже не нужны, оба все понимали без слов.

С Гелоной он совокупился прямо в лесу, едва мощнотелая красотка свернула с дороги и повозка остановилась среди деревьев. Эта сильная женщина за двадцать минут неистовой страсти просто выпила из него все соки, заставив ублажать

ее по-всякому. А потом скрылась в пыли, хлестнув лошадей, словно ее и не было.

«Пора заканчивать этот затянувшийся мальчишник, – решил боец, – а то, так и до животного опуститься недолго, если думать только промежностью».

Спустя пару дней абсолютно изможденный Тарас добрался-таки до Пелланы, где сразу же был вызван лохагом на службу и принял участие в учебном сражении, а потом и марш-броске. Честно говоря, он был очень рад этому, так как времени и сил на женщин у него больше не оставалось. Хотя даже после дневного марш-броска он ощущал себя гораздо бодрее, чем после двадцати минут с Гелондой. Как он узнал спустя месяц, Гелона вышла замуж и теперь жила недалеко от Селласия. «Похоже, – усмехнувшись, поймал себя на мысли Тарас, – у нее тогда был девичник».

– Давай остановимся у ближайшего источника, отец, – предложил Тарас, неохотно возвращаясь из воспоминаний. Он случайно заметил вырубленную в скале нишу, где бил небольшой фонтанчик, – посидим немного, а то я устал трястись в этой колымаге.

– Ну что же, давай, – согласился Геронт, тоже размышлявший о чем-то своем. – Панорм, подвези нас вон к тому бассейну.

Через пару минут они омыли руки и лица, и, освежившись, присели на прохладные камни, что находились в тени нависавшей скалы.

– Скажи, отец, – вдруг спросил Тарас, глядя на блестящую перед ними морскую гладь, – а почему у нас нет флота? Ведь он мог бы стать столь же грозным оружием для врагов, как и наша армия.

– Так завещал нам Ликург, – ответил мудрый геронт, вытирая рукой мокрое лицо. – Спартанцам запрещено строить военные корабли и служить во флоте. Мы сильны своей армией.

– Да, наша армия лучшая во всей Греции, – кивнул Тарас. – Но ведь если бы у нас был флот, то мы могли бы стать вдвое сильнее. Ведь море омывает все наши берега. Да и добраться нашей армии до других враждебных полисов было бы гораздо легче.

– Ты осуждаешь наши традиции? – брови Поликарха поползли вверх.

– Нет, что ты, – поспешно добавил Тарас, – но ведь у афинян, наших главных врагов, есть и то, и другое. Иногда они оказывают нам сильное сопротивление на суше, но у них всегда есть возможность нанести нам удар в спину и высадить своих солдат на любом из наших берегов. А у нас нет таких возможностей.

– Не нам менять заветы Ликурга, – хмуро ответил геронт, но в его словах Тарас уловил нотки согласия. Похоже, старому геронту тоже не все нравилось в древних заветах, хотя он сам был их охранителем.

Поликарх встал, поправив гиматий, и сделал несколько

шагов по направлению к повозке.

– Поторопимся, – сказал он, обернувшись к Гисандру, все еще отдыхавшему в тени небольшого грота. – Прасии уже близко, а нас ждут дела. Ведь ты еще не нашел мастера.

Глава пятая

Удар в спину

Приказав пастухам молчать и отойти обратно за перевал, быстрым движением Тарас надел на голову шлем, затянув ремешок.

– Бриант, копье! – произнес он громким шепотом.

– Кого ты увидел там? – поинтересовался Оффриад, появляясь за его спиной вместе с остальными спартанцами. – Потерявшихся коз?

– Персы, – тихо проговорил Тарас, объясняя свои приготовления и указав на мерцавшие костры, – человек тридцать.

– Что же, – обрадовался предстоящей битве Оффриад, – атакуем их. Нас десять бойцов, мы с ними легко справимся.

– Возможно, – ответил Тарас, взвешивая на руке копье, – но мы должны убедиться, что их не больше и что никто из них не уйдет живым, чтобы рассказать о том, что встретил нас здесь. Надо узнать, кто они, куда идут и как оказались здесь. Быть может, они заблудились и не подозревают о том, что это за тропа.

– А может быть, у них есть проводник из местных пастухов, как и у нас, – предположил Архелон, выглядывая из-за валуна, чтобы лучше рассмотреть персов, – который тоже знает о тропе.

– Так что же ты предлагаешь, – дернул плечом нетерпели-

вый Офриад, – ждать до утра?

– Нет, – успокоил его Тарас, – до рассвета мы ждать не будем. Ночь – наше время. И мы нападем. Но преждеждеждемся, пока они улягутся спать. Мы убьем часовых, а затем перекоем их во сне, как свиней.

Этот план Офриаду понравился.

– Что же, – сказал он, присаживаясь на камень, – ради этого я подожду. Ты хорошо придумал, Гисандр.

Остальные спартанцы тоже сели, спрятавшись за камнями, чтобы иметь возможность наблюдать за тропой, оставаясь невидимыми. Луна освещала лишь кромки скал, оставляя в проходе крошечный мрак. Тарас, в душе предпочитавший действовать силами своего обученного отряда, понимал, что удержать спартанцев от схватки с персами все же не удастся. А они ни за что не захотят драться в одном строю с илотами и косо посмотрят даже на периеков. В то же время он намеревался испытать в бою новое оружие – гастрарфеты, которые били вдвое дальше луков. Из них можно было поражать одетых в доспехи персов даже отсюда, с места засады. Но Тарас решил все же выдвинуть стрелков вперед и приказал Никомеду и Мегаклиду подползти поближе к стоянке персов, откуда они должны будут контролировать тропу. А если кто из персов в одиночку направится в эту сторону, пропустить его, а потом тихо захватить в плен. Если же все будет спокойно, то ждать общего наступления и «валить» всех, оказавшихся в зоне досягаемости.

Когда два периека с гастрифетами за спиной и колчанами стрел на боках растворились во тьме, Тарас приказал остальным ожидать возле спартанцев, а затем подозвал к себе илотов.

– Этокл и Бриант, вы должны ожидать здесь окончания драки и не вступать в нее, если дело не обернется совсем плохо, – заявил Тарас, – а затем один из вас, это будешь ты, Бриант, отправится вместе с пастухами по тропе назад и сообщит все царю Леониду. Даже если мы погибнем, он должен знать об этой тропе. И ты проведешь его сюда.

Бриант кивнул.

– А ты, Этокл, отойдешь к первому перевалу и будешь ждать прибытия спартанцев. Если же персы пойдут вперед, то вернешься в лагерь вслед за Бриантом.

Этокл тоже молча кивнул.

– И еще, Бриант, – Тарас понизил до шепота и без того тихий голос, – эти пастухи... они слишком много знают. Так что, в случае нашей смерти, должен остаться только один человек, кто помнит, как отыскать эту тропу.

– Я все понял, господин, – пробормотал Бриант, – у меня хватит силы и ловкости.

– Не сомневаюсь, – подтвердил Тарас, внезапно ощутив, как и в его характер по капле просочилось спартанское вероломство, – ведь не зря же я тебя учил два года.

Отдав все необходимые распоряжения, Тарас вновь вернулся к самой крайней скале, что почти перегораживала вы-

ход с перевала, и, встав рядом с Архелоном, посмотрел в сторону лагеря персов. Там уже погасли почти все огни. Тле-
ло только три костра, в которых слуги поддерживали слабый
огонь для обогрева. Ночью в горах не жарко. И подумав об
этом, Тарас, раньше не замечавший прохлады от возбужде-
ния, даже запахнулся в свой плащ.

– Они уже уснули, – поделился наблюдениями Архелон, –
думаю, ты прав, их человек тридцать. И мы можем иметь
успех, если нападём внезапно.

Тарас, присмотревшись к лагерю, согласился с Архело-
ном. Он сделал призывный жест, и тотчас рядом с ним бес-
шумно возникло десять силуэтов со щитами и копьями. Укрытые плащами доспехи во тьме делали спартанцев по-
чти невидимыми, лишь луна слегка серебрила покатые бока
шлемов.

– Мы должны как можно быстрее пробиться через лагерь
к дальнему концу стоянки, отрезать им путь к отступлению и
гнать обратно наверх, к обрыву, – сообщил вводную Тарас. –
Вперед, спартанцы!

Подняв копья и щиты, гоплиты побежали вперед, мяг-
ко ступая по камням своими сандалиями. Держась по двое
на тропе, они обогнули несколько валунов, перекрывавших
подъем на перевал, и устремились вниз. Тарас бежал пер-
вым, а позади него трусили Офриад и Эгор с Архелоном. Ог-
ни лагеря быстро приближались. Вскоре слева появился об-
рыв, откуда на Тараса пахнуло холодом бездны. Своих «арба-

летчиков» он не видел, но это было только к лучшему. Значит, их не видели и враги.

Но вот когда до ближнего костра оставалось метров пятнадцать, и Тарас уже мог отчетливо разглядеть дремавших вокруг него персов, рядом вдруг выросла какая-то тень, поднявшись из-за валуна. Почуввав удар копья, нацеленный себе в грудь, Тарас переместил щит и отвел хлесткий удар в сторону. Наконечник персидского копья, звякнув, проскользнул мимо цели. Зато Тарас был точен. Коротким и мощным ответным ударом он пронзил легкий доспех воина и пинком ноги в грудь мертвецу освободил увязшее в теле древко. Чуть в стороне мелькнула еще одна тень, но ее обезвредил Офриад.

На то, чтобы разделаться с часовыми, ушло не больше пяти секунд, но звон ударов разбудил еще троих персов. Те вскочили со своих мест, начав что-то кричать и размахивать руками. Но тут из-за спины спартанцев раздался короткий шелестящий звук, и двое из них рухнули обратно, причем ближний воин упал прямо в костер. Прежде чем перепрыгнуть мертвеца, ноги которого уже лизали языки пламени, Тарас успел рассмотреть оперение короткой стрелы, торчавшей у того из груди.

«Молодцы, гастралетчики, – мысленно похвалил он, протыкая на ходу другого перса, который только попытался подняться, – вам бы еще приборы ночного видения, тогда и часовых сняли бы издалека».

Между тем спартиаты прорывались вперед, убивая в полумраке сонных персов одного за другим. Никто не ждал нападения и потому рейд удался на славу. Рвавшийся в бой Офриад отправил к богам уже троих. А Эгор с Архелоном каждый по двое. Но это были только те персы, кто оказался прямо на пути колонны. Остальные, а их еще было немало, успели прийти в себя и схватиться за оружие. Засвистели стрелы, и один спартанец упал, сраженный метким выстрелом в шею. Как успел заметить проносившийся мимо Тарас, желавший как можно быстрее отрезать персам путь к отступлению, здесь были копейщики и лучники в длинных балахонах, но почти без доспехов. А кроме того, несколько слуг или проводников вообще без оружия.

«Легко вооруженный отряд, значит, не „Бессмертные“¹², – смекнул предводитель спартанцев, – отлично, меньше будет возни».

Пробив себе дорогу сквозь стоянку персов, спартанцы вскоре вновь оказались в кромешной темноте.

– Здесь никого нет! – крикнул Тарас, останавливаясь и

---

¹² «Бессмертные», – телохранители царя, элитный отряд тяжеловооруженных персидских войск, которым командовал военачальник Гидарн. Этот отряд состоял из 10 000 пехотинцев-копейщиков, 1000 алебардистов и 1000 конных телохранителей. В него также входили боевые колесницы. «Бессмертными» этих солдат называли потому, что число пехотинцев всегда поддерживалось на уровне 10 000 человек, не больше и не меньше. Если погибал один, его тут же заменял другой. Согласно хроникам, именно «бессмертные» с самим Гидарном во главе были посланы по горной тропе в обход спартанцев Леонида, державших Фермопилы.

озираясь по сторонам. — Мы пробились. Теперь назад!

Спартанцы немедленно развернулись на небольшом пятке. Тропа здесь чуть расширялась, а камней было меньше. Выстроившись клином, острием которого был Тарас, и, прикрывая друг друга щитами, девять воинов устремились наверх. На сей раз их встретил град стрел, персы успели опомниться, но лучники здесь оказались плохие, да и темнота до поры скрывала спартиатов. А потому большинство стрел, отбарабанив по щитам, осыпалось на тропу, а остальные ушли в перелет над головами воинов.

Однако вскоре персы, поняв, что их атакует не вся спартанская армия, а лишь горстка солдат, бросились на них с копьями наперевес. Числом, несмотря на потери, персы все еще превосходили спартанцев. Их было человек двадцать, двадцать пять, считая припавших на колени лучников. И эта небольшая лавина стремительно надвигалась. Кто-то из персов подбросил хвороста в костры, чтобы осветить место сражения. И теперь сами персы стали отчетливо видны, поскольку у них за спиной был огонь, а за спартанцами темнота.

Тарас этому только обрадовался. Когда перед ним возникло несколько бородатых персидских воинов в тиарах и с круглыми плетеными щитами, он чуть присел, крикнув:

— Коли!

Девять копий вылетело вперед и, ужалив врагов, оттянулось назад. Несколько персов упали замертво, еще двое бы-

ли ранены, но наступавшие спартанцы тут же доби́ли их. Остальные откатились назад беспорядочной толпой. Совершенно обезумевшие, они прыгали меж костров, но не бежали к перевалу, видимо, боясь, что и там их ждет засада. Сквозь прорези шлема Тарас увидел, как трое персов размахнулись и метнули свои копья. Но их движения были теперь хорошо видны, и спартанцы легко отразили щитами пущенные в них «снаряды». Однако и стрелы персидских лучников на сей раз были точнее. Один их спартанцев застонал, получив в бедро такой гостинец. Однако, стиснув зубы, двинулся дальше, подволакивая ногу.

Сам Тарас переступил через персидское копье, мгновение назад со звоном отскочившее от щита, и вдруг увидел, как один из воинов врага в богатом доспехе, похожий на военачальника, вдруг дернулся и повалился лицом вперед. Из его спины торчала короткая стрела. Чуть в стороне упал второй. А потом и третий. Еще один, заподозрив неладное, обернулся назад, и тут же из темноты прилетел пущенный из гастрарфета болт¹³. Удар был такой силы, что пробил кожаный нагрудник перса насквозь и опрокинул воина навзничь. «А вот и снайперы заработали», – обрадовался Тарас, запрыгав по камням вверх. Остальные спартиаты устремились за ним.

Достигнув площадки с кострами, на которой ночевали персы, они застали там человек восемь и продолжали теснить оставшихся врагов к обрыву, все еще стараясь держать

---

¹³ Арбалетные стрелы называют болтами.

строй. А те, поняв это, предприняли новую яростную контратаку. Двое персов набросились на раненного стрелой спартанца. И один из них сумел всадить свое копье ему в бок. Увидев смерть друга, Офриад метнул свое копье в первого, «прошив» того насквозь, а затем подскочил к ближнему воину уже с мечом и вонзил его персу в живот.

– Умри, варвар! – зарычал ему в лицо Офриад, выдергивая окровавленный клинок, и ударом ноги толкнул смертельно раненного перса в пропасть. Тот с криком пропал в темноте.

Строй рассыпался на отдельные схватки, в которых ожесточенные воины Спарты добивали оставшихся врагов. Но персов уже охватила паника. Оставшись без командира, они побросали свои копья на землю, воздев руки к небу и желая сдаться на милость победителям, явившимся сюда из мрака, словно посланцы богов смерти. Но прежде чем Тарас принял решение, трое из шестерых, оставшихся на краю обрыва, были заколоты и сброшены вниз.

– Этих не трогать! – приказал Тарас, заметив, что Архелон и Офриад уже занесли над обреченными свои разящие копья. – Я хочу с ними поговорить перед смертью.

Повинуясь, спартанцы согнали трех оставшихся персов к ближайшему костру и, оставив их под охраной Эгора и Архелона, отправились добивать раненых врагов. То тут, то там еще некоторое время раздавались предсмертные хрипы.

Опустив острие окровавленного копья вниз, Тарас оста-

новился напротив пленников, изучая их лица и одежду. Два взрослых и бородатых бойца были легко вооруженными воинами. Их кожаные панцири с нашитыми металлическими кольцами были в нескольких местах порваны скользящими ударами спартанских копий. Оба перса были ранены, но не смертельно. Свои тиары они потеряли в бою, и сейчас их длинные волосы развевал горный ветер. В глазах этих поверженных бойцов Тарас прочитал страх. Они уже были сломлены. Третий же пленник был явно греком. Молодой парень, лет двадцати, был одет в гиматий и сандалии, как одевалось большинство людей по эту сторону Геллеспонта. «Значит, это проводник из местных, – решил Тарас, – это хорошо, он может многое прояснить».

– Ты кто такой? – спросил Тарас и подвел острие своего окровавленного копья прямо к лицу пленного грека.

Видимо, спартанец, на медном шлеме и щите которого играли отсветы костра, выглядел достаточно грозно, потому что парень вздрогнул и повалился перед ним на камни. Он стал ползать и целовать его сандалии, старясь обхватить их руками. Но Тарас ударом ноги отбросил его в сторону.

– Не заставляй меня напрасно тратить слова, – произнес он, – если хочешь прожить еще мгновение.

– Меня зовут Эпиальт, – пробормотал грек, съезжившись. – Я малиец, пастух.

– Эпиальт? – переспросил Тарас, нахмурившись. – Отче-

го-то мне знакомо твое имя¹⁴. Кто эти люди?

– Это кассии из отряда Анафа. Они силой захватили меня в долине и заставляли служить им проводником.

Тарас присмотрелся к пленнику внимательнее и понял, что тот врет. Скорее всего, персы обошлись с ним милостиво. Быть может, даже заплатили ему. Как он слышал от переребечиков, персы убивали не всех, а ко многим покоренным народам относились вполне «по-человечески», желая вызывать лояльность у новых подданных персидской империи. Ведь царь Ксеркс уже видел эти земли своими.

– Это простые воины или военачальники? – уточнил Тарас, оставив пока эти мысли при себе и кивнув в сторону персов. Те, поняв, что речь идет о них, насторожились.

Проводник поискал глазами и, указав на мертвого перса, из спины которого торчала стрела, пробормотал:

– Вот их командир, а это простые воины.

Тарас колебался недолго. Подозвав жестом появившихся из тьмы периеков, тех, что были с мечами, он приказал:

– Снимите с них доспехи и отдайте Этоклу с Бриантом, они ждут на другом краю перевала. Скажите, что я отменяю прежнее поручение и приказываю им переодеться персами.

– А что с ними делать потом, господин Гисандр? – осведомился Гиппоклид, кивнув в сторону персов.

– Они мне не нужны, – ответил Тарас, – но сделайте это

---

¹⁴ Согласно Геродоту, персов в обход Фермопил провел малиец по имени Эпипальт.

так, чтобы на тропе не осталось следов. А потом сбросьте их в пропасть.

Когда периеки уволокли почти не сопротивлявшихся персов, Тарас вновь вернулся к пленному греку.

– Куда ты их вел? – спросил Тарас, боясь услышать ответ. Но то, что он услышал, скорее, обрадовало его, чем насторожило.

– Я вел их в Дориду¹⁵, но по дороге мы заблудились. Я ведь плохо знаю эти горы и ошибся перевалом, – от страха Эпиальт, догадавшийся, что больше он своих спутников не увидит, не мог остановиться, – но когда понял, что совершил ошибку, ничего не сказал им из страха, а предложил заночевать. Тут появились вы.

– Значит, ты не знаешь, куда ведет эта тропа? – Тарас вперил пристальный взгляд в глаза пленника, опять поймав себя на мысли, что тот пытается скрыть от него правду.

– Точно не знаю, – замотал головой грек, подняв полные ужаса глаза на командира спартанцев, который вдруг вновь выбросил копье вперед и остановил его острие в миллиметре от шеи Эпиальта.

– Но кажется, – выдавил тот из себя, ощутив кадыком смертоносную сталь, – она ведет в Локриду.

Эти слова решили его судьбу. «Предавший единожды, сделает это снова, – пронеслось в мозгу Тараса, – а об этой тропе персы должны узнать как можно позже».

---

¹⁵ Дорида находится гораздо западнее Фермопил.

– Говори правду, ты вел этих солдат в Локриду или их ждут в другом месте? – спросил Тарас, за спиной которого уже выстроились вернувшиеся спартанцы. – И сколько идти до лагеря персов?

– Они должны были прибыть в Дориду, господин, где уже стоят кассии, через два дня, – торопливо пробормотал Эпиальт, – это последний отряд кассиев, который покинул большой лагерь.

«Значит, их там не хватятся еще несколько дней, – прикинул Тарас. – Это хорошо. Если, конечно, наш друг на этот раз сказал правду».

– А лагерь персов стоит всего в пяти стадиях от того места, где кончается эта тропа, – проговорил Эпиальт обреченно.

«Какая важная тропа, – еще раз отстраненно подумал Тарас, опуская копье, – на одном конце наш лагерь, на другом персидский».

– Извини, Эпиальт. Ничего личного, – закончил он допрос и повернулся к стоявшим позади спартанцам: – Сбросьте его в пропасть.

– Позволь, это сделаю я, – первым вызвался Оффриад и, схватив упиравшегося парня, потащил его к обрыву.

– Не скули, предатель, – прикрикнул он, пнув пленника. При этом из-за пояса у того выпал какой-то сверток. – Такие греки нам не нужны.

И не слушая вопли о прощении, столкнул Эпиальта во мрак.

Архелон, тоже видевший все, поднял тряпичный сверток с земли. Развернув его, он высыпал на ладонь несколько блестящих в отсветах пламени монеток с изображением профиля богоподобного Ксеркса.

– Персидское золото, – усмехнулся Тарас и, повернувшись к Офриаду, добавил: – Благодарю тебя, друг. Ты избавил нас от того, кто мог бы принести много зла Греции.

– Я всегда готов убивать врагов Греции, – заявил спарта-нец, подхватывая с земли свой щит. – Что прикажешь делать дальше, Гисандр?

– Похороните мертвых спартанцев за перевалом, а персов сбросьте вниз, чтобы не осталось следов, – приказал Тарас, обводя взглядом всех, кто стоял рядом, – и мы немедленно отправляемся дальше. Никомед, позови пастухов.

Когда рассвет окрасил небо в алый цвет, потерявший трех спартанцев отряд, уже почти спустился в долину. Вскоре тропа пошла круто вниз и стало ясно, что они приближаются к равнине. Тогда Тарас остановился, чтобы вновь допросить пастухов.

– Нет ли здесь какой-нибудь скалы, откуда можно понаблюдать за долиной, прежде чем спуститься туда? – спросил он у Лисия.

– Вон там, – указал пастух чуть в сторону, – через пару стадий тропа раздваивается и поворачивает в сторону Дориды. Она идет вверх и затем расширяется. В этом месте есть небольшое плато, где можно остановиться и осмотреть ближ-

ние склоны.

– Отлично, – согласился Тарас, – веди нас туда.

Как и предвещал Лисий, тропа разошлась на две и стала круто забирать влево и вверх, отклоняясь от основного маршрута. Перед тем как, устремиться по ней, Тарас бросил взгляд на развилку, подумав, не оставить ли здесь половину людей, ведь персы могли снова «заблудиться» и случайно пройти в тыл отряду Гисандра. Но передумал, ограничившись тем, что оставил на возвышении двоих гастралетчиков.

– Даже если увидите персов, в бой не ввязываться, – предупредил он своих людей, отправляясь наверх, – только если они решат подняться вслед за нами.

Те кивнули, пристраиваясь за камнями со своим смертоносным оружием, покосившим почти десяток персов в ночной схватке.

Плато спартанцы отыскивали довольно быстро. Оказавшись на его краю, Тарас невооруженным глазом увидел в дальнем конце долины огромный лагерь персидской армии, окруженный частоколом с башнями и воротами. Лагерь был огромен и хорошо различим, хотя находился даже не в этой узкой, а в соседней обширной долине. Он светился изнутри тысячами костров и чем-то он напомнил Тарасу стандартный лагерь римского легиона. Во всяком случае, люди, придумавшие это сооружение, неплохо защищавшее армию посреди вражеских земель, были отнюдь не дураками. Греки, к слову,

ничего такого не строили даже в дальних походах.

«Видно, мы еще не сталкивались с настоящими персами, – подумал Тарас, разглядывая издалика боевую мощь противника, – даже не видели этих „Бессмертных“. А ведь есть еще огромный флот, на котором Ксеркс может запросто перебросить мощную армию куда угодно. Хотя бы нам в тыл. И остается лишь надеяться, что афиняне их остановят».

Вокруг лагеря в предрассветной мгле сновали разъезды персидской конницы. Казалось, что там вообще никто не спал даже ночью. Приглядевшись к клубам пыли на боковой дороге, Тарас заметил отряд боевых колесниц, покинувших лагерь и устремившихся куда-то на север. Вслед за ним в противоположном направлении, скорее всего к Фермопилам, направился многочисленный отряд копейщиков, которые шли, опустив копья острием к земле. Звуки из лагеря персов, конечно, сюда не долетали. Но Тарас мог себе представить, какой там стоял гвалт. Здесь собрались десятки тысяч солдат со всей Азии, Персиды, Сирии и даже Египта.

– Говорят, у персов есть даже слоны, – нарушил тишину Эгор, так же как все молча созерцавший лагерь персов.

– А кто это? – не понял его Оффриад, мало интересовавшийся чем-либо, кроме искусства войны.

– Это огромные животные с клыками длиннее твоего копья, – пояснил Тарас, немного удивленный, откуда его друг знает про слонов, которых в Греции отродясь никто не видал, – но их не стоит бояться. В горах они почти бесполез-

ны, а на равнину мы персов не пропустим. К тому же они не выносят горящих стрел.

Тарас отвернулся от лагеря. Они видел все, что нужно для первого раза. Пора было уходить обратно. Но в том, что скоро он сюда вернется, Тарас ни секунды не сомневался.

Глава шестая

Эпидавр-Лимера

В Прасии они прибыли вечером, и все произошло почти по той же программе, как и в Тиросе. Те же чиновники от общины периеков показали им арсеналы с готовым оружием – щитами, копьями, мечами, – а затем провели в кузницы. Поговорив с мастерами, Тарас опять остался недоволен. Местные периеки вопросов задавали меньше, чем Сфетон из Тироса, но показались ему и менее толковыми. Да и многие осмотренные копья были не лучшего качества, и геронт забраковал их, приказав изготовить новые. По той же причине, даже обсудив чертеж, Тарас не решился разместить свой заказ именно здесь. К счастью, разговор тоже состоялся вечером, и Тарас предложил отцу, не мешкая, покинуть утром этот город. Что они и сделали.

Затем два дня они тряслись в повозке до следующего города периеков Кифанты, остановившись на ночлег в имении старого друга отца по имени Меандрий. Этот Меандрий тоже был геронтом, а его клер очень удачно для путников находился как раз между двумя городами.

– Он будет рад меня видеть, – уверил сына Поликарх, – в молодости мы с ним вместе немало повоевали с Аргосом и Аркадией.

– Ну что же, давай, навестим твоего старого друга, – со-

гласился Тарас, едва не добавив «фронтового». Тем более что у него самого знакомых в этих краях не было. А с постоянными дворами в Спарте дело обстояло из рук вон плохо.

Геронт Меандрый, поджарый спартанец с морщинистым лицом, действительно принял их радушно.

– Крепкого бойца ты вырастил, Поликарх, – проговорил Меандрый, бесцеремонно осмотрев стоявшего перед ним гоплита, – а ведь я помню его еще совсем юным эфебом лет десяти. Он сильно изменился с тех пор.

Услышав об этом, Тарас по привычке напрягся, но Меандрый не стал копаться в его родословной, в просто поверил, что перед ним тот самый Гисандр.

– Да, он возмужал, – согласился Поликарх, – и выиграл Гимнопедии, став лучшим борцом Спарты.

– Это я знаю, – кивнул Меандрый, – ты можешь гордиться своим сыном.

– Ты тоже, – похвалил его в ответ Поликарх, – ведь твой сын погиб как герой в битве с аргивцами.

– Это так, – подтвердил Меандрый, ничуть не расстроившись от этих воспоминаний, – он умер, не опозорив Лакедемон и своих родителей. Так что я выполнил свой долг, как и ты, воспитав хорошего бойца.

Сразу по приезду Меандрый отвел гостей на сесситии в ближайшую деревню, где и сам столовался. Там, сидя за длинным столом под сенью дикого винограда – в этой деревне не было специального здания для сесситий и ели пря-

мо на улице, — измученные дорогой путники хорошенько отдохнули. Отведав черной похлебки, к которой желудок молодого спартиата уже привык, Тарас ел козий сыр с черствым хлебом и оливками, запивая все это молодым слабеньким вином. А старики вообще к вину не притронулись, предпочитая ему обычную воду. Впрочем, Тарас уже привык, что здесь встречи «однопольчан» не сопровождались обильными возлияниями. Обычно старшие силой заставляли напиваться только своих илотов, чтобы показать молодежи, что пьянство это страшное зло, за которое стоит убивать. Что и делали, убивая затем в назидание пьяных илотов.

Впрочем, пить вино полноправным спартиатом не возбранялось. Но при таких порядках сильно «закладывать за воротник» никто не стремился. Вот и Тарас, поглядывая на садившееся солнце, осторожно потягивал слабенькое винцо и молчал, больше слушая разговоры местных спартанцев. Зато два геронта, едва встретившись, долго обсуждали какие-то только им интересные темы, совершенно позабыв о главном достоинстве спартанцев — лаконичности. А обсудив все, отправились в имение Меандрия на ночлег.

Утром друзья расстались, договорившись встретиться на следующем собрании герусии, и Тарас с отцом отправились дальше.

Следующий город периеков они увидели издалека, едва солнце стало клониться к закату. Кифанта располагалась у подножия огромного мыса, венчавшего обширную гавань.

Наблюдая все это из повозки, колесившей по дороге вдоль берега моря, Тарас вновь задумался насчет флота и вдруг увидел парус. Самую настоящую триеру, что направлялась к пристани Кифанты, у которой спартанец заметил лишь один корабль, видимо торговый, и несколько лодок. Хотя при желании в этой гавани можно было разместить целый флот триер.

– Отсюда мы тоже отправляем корабли, отец? – поинтересовался Тарас, заинтригованный так редко виденным зрелищем.

– Кифанта – один из главных портов, через который мы иногда получаем товары из-за границы, – просветил сына геронт, проследив за его взглядом и тоже заметив корабль, – есть еще Заракс, чуть дальше на этом побережье. А за ним Эпидавр-Лимера. А товары и сырье, что привозят с западных окраин моря и Сицилии, поступают в наши мессенские порты Метону и Пилос.

– Значит, торговля все-таки идет? – уточнил Тарас, услышав, что минимум четыре порта принимают корабли, и пристально взглянув на отца, который словно что-то не договаривал.

– В Спарте нет торговли, Гисандр, – отрезал геронт, – я уже говорил тебе, что иногда мы меняем наш хлеб и оружие на кое-какие товары, нужные для ведения войны. И все. Ты слишком назойлив для простого воина.

– Ясно, – кивнул Тарас, решив больше не раздражать ге-

ронта своими расспросами, однако тут же добавил: – Но, кажется, ты забыл, что Леонид назначил меня проксеном.

– Проксен обязан принимать у себя иностранцев, которых отправит к нему царь, – отчеканил геронт, – а не лезть не в свое дело.

Тарас надолго замолчал. Похоже, он влез в дебри международной политики, о которой геронт не хотел особенно распространяться. А тем более признавать, что Спарта нуждалась во многих товарах и закупала их за границей. Хотя при желании могла все производить на своей земле, богатой хлебом, рудой и другими полезными ископаемыми. Но заветы Ликурга уже не одну сотню лет предписывали ей этим не заниматься. Впрочем, несмотря на экономическую отсталость от плисов, где торговля не возбранялась, – чего не мог не заметить Тарас, даже побывав лишь в соседнем Аргосе и Кинурии во время войны, и, конечно, наслышанный об Афинах, – только Спарта могла похвастаться полным гражданским спокойствием. Здесь давно не бывало мятежей и народных восстаний, регулярно сотрясавших соседние государства. Правда, что за этим стояло, Тарас узнал, лишь оказавшись среди спартанских агел и поучаствовав в ежегодных криптиях. Регулярные кровопускания илотам делали свое дело. Тотальный террор вошел в привычку и стал частью жизни граждан Лакедемона. Зато снаружи Спарта просто удивляла своей монолитностью и «спокойствием» масс.

– Послушай, а в этом городе производятся канаты для

кораблей? – осмелился вновь побеспокоить Поликарха Тарас, у которого голова начала работать гораздо быстрее, едва он увидел оснащенный корабль, натолкнувший его на новую идею.

Это произошло, когда они уже встали на постой в доме одного из местных периекских чиновников, обязанных оказывать гостеприимство, и по сложившемуся порядку направились в местный арсенал.

Здание, где периеки хранили готовое оружие, по счастливому совпадению, было выстроено в Кифанте неподалеку от порта. Немного не дойдя до него, спартанцы остановились у берега, разглядывая вечернее море и корабль, который разгружали илоты. На этот раз они направились туда без сопровождения – здание находилось рядом, а местный чиновник уже побывал там и предупредил мастеров.

– Нет, – сообщил геронт нехотя, – мы привозим их морем из Аргоса. Правда, после недавней войны мы лишились этих поставок.

– И где теперь Спарта берет канаты? – не удержался Тарас.

– Канаты нам нужны лишь в небольших количествах, Гисандр, – скрипнул зубами геронт, – у Спарты нет флота, поэтому мы сейчас завозим их из Мегариды.

– А хранятся они здесь? – развивал мысль неумный Тарас.

– Здесь, – насторожился геронт, не понимая еще, к чему клонит его сын, но уже начиная беспокоиться. После сооб-

щения об оружии, которое может убивать вражеских солдат издалека да еще во множестве, Поликарх теперь был готов услышать от него что-нибудь более странное.

– Мы храним его вон там, у самого пирса, – подняв руку, геронт указал на приземистое здание складов из камня, которому был не страшен даже пожар.

– Можем ли мы изъять часть запаса, так чтобы никто не узнал? – поинтересовался Тарас как ни в чем не бывало. – Если повезет, отыщем здесь нужного мастера. Но гораздо больше для моих машин нужны канаты или хотя бы сырье для них. Может быть, мы позаимствуем его прямо на складе?

Пока геронт обдумывал это смелое предложение, Тарас добавил с ухмылкой, подлив масла в огонь:

– Ведь каждый спартанец, по заветам Ликурга, может брать все у другого спартанца, если это необходимо. Так что, это не будет считаться кражей.

– Может, – кивнул геронт, закончив размышления, – но не на складе, за который я отвечаю.

– И что же делать отец? – нахмурился Тарас. – Ведь без них машины не будут стрелять, и мы не сможем остановить персов. Тогда придется искать других мастеров, что умеют плести канаты и сырье для их изготовления.

– Не нужно их искать, – решил, после недолгой внутренней борьбы геронт, – я найду для тебя все, что требуется. Пойдем.

И он направился прямо к пирсу, где стояла триера. При-

ближаясь к месту разгрузки корабля, Тарас заметил, что попадавшиеся навстречу илоты тащили на склад амфоры с чем-то текучим, но, судя по тянувшемуся за ними шлейфу смоляного запаха, это было не вино. Видимо, руководство Спарты обменивало свой хлеб еще на кое-какие товары.

Илоты перетаскивали все на берег довольно торопливо, стремясь выполнить работу до темноты, которая быстро сгустилась. На пирсе то и дело раздавались окрики спартанских надсмотрщиков.

У сходней стояло четверо гоплитов в полном вооружении. Поначалу они преградили дорогу путникам, но, увидев геронта в сопровождении воина, узнали его и пропустили обоих на борт без лишних расспросов. Видимо, отец Гисандра бывал здесь достаточно часто.

Пройдя меж тюков и бочек, которыми была завалена палуба, – что тоже не укрылось от любопытного взгляда Тараса, – прямо к капитану, геронт остановился. Загорелый и широкоплечий капитан распекал какого-то матроса, но, увидев рядом с собой спартанского геронта, сразу позабыл о нем. Мигом отправив подчиненного на какую-то работу, он весь расплылся в улыбке.

– Рад видеть вас в добром здравии, господин Поликарх, – поклонился капитан. – Довольны ли вы моей службой?

– Вполне, Оратид, вполне, – сказал геронт, – ты все привез вовремя, как мы и ждали. Спарта не забудет твоих усилий, а община периеков Кифанты получит от меня высокую оценку

на следующем заседании герусии.

– Благодарю, – поклонился капитан.

Поликарх незаметно оглянулся по сторонам и сделал несколько шагов по палубе к борту, подальше от крутившихся рядом матросов. Капитан молчаливой тенью последовал за ним. «Что-то задумал, – промелькнуло в мозгу Тараса, удивленного все чаще проявлявшейся у старого геронта под его воздействием склонностью к авантюрам, – видно, мой папаша решил совершить что-то противозаконное, раз ведет себя так. Впрочем, все, что мы с ним задумали, без одобрения апеллы и герусии тоже противозаконно. Так что в случае неудачи могут лишить головы обоих. Зато, если повезет...»

– Ты ведь должен завтра вновь отправиться в Мегариду, Оратид, – скорее сообщил, чем спросил Поликарх, не глядя в глаза капитану. Вместо этого геронт рассматривал быстро темневшую гладь волн.

– Это так, – склонил голову капитан.

– Ты покинешь ее чуть раньше и на обратном пути зайдешь в Коринф, – не повышая голоса, заявил геронт, все также изучая волны, – там ты купишь у торговцев три плефра¹⁶ белого льна и пять медимнов¹⁷ папируса¹⁸. Все это ты

---

¹⁶ Плефр – 29,6 м.

¹⁷ Медимн (аттический) – 52,2 л.

¹⁸ Согласно Геродоту, под папирусом здесь подразумевается кора (лыко) сирийского папируса, из которого изготавливали канаты. Впоследствии, когда жители ионийского побережья познакомились с писчим материалом из папируса в Египте, то и его также стали называть папирусом. А белый лен означал волокно

привезешь сюда, но сгрузишь не на складе, а у того дальнего пирса, где стоят лодки. Там тебя будут ждать мои люди, которых ты знаешь и которым ты все передашь.

Геронт медленно перевел взгляд на капитана.

– А сделав это, ты сразу забудешь обо всем, – елеинным голосом закончил геронт и спокойно посмотрел в глаза капитану, – а я забуду о твоих грехах.

Тарасу показалось, что во взгляде Поликарха блеснула сталь, а Оратид даже вздрогнул, хотя разговор был очень спокойный, иногда геронта можно было не слышать из-за шума волн. Но капитан услышал все, что надо.

– Я все сделаю, – поклонился Оратид, и Тарасу показалось, что он явно недооценивает возможности своего отца. Геронт, как выяснилось, имел прямое отношение к флоту, о чем он до сих пор не догадывался, и мог отправить корабль в любую точку греческого побережья или еще дальше. А вот теперь даже рискнул своей карьерой на благо Спарты. И кроме того, его с капитаном объединяла какая-то тайна. Так, во всяком случае, показалось наблюдательному спартанцу. Похоже, геронт держал его на коротком поводке, играя на слабостях ради собственной выгоды.

«А моему папаше смекалки не занимать, – даже удивился Тарас, невольно присутствуя при этом разговоре, – не зря он стал политиком. У него неплохо получается управлять

произрастающего в Испании растения под названием *спартия* (*Spartium junceum*), то есть коноплю, из которой плели канаты карфагеняне.

людьми».

– Осмелюсь сказать, господин, – заметил Оратид, бегло осмотревшись по сторонам, – немного белого льна я привез и сегодня. Вот он, в трех шагах от вас. Вы можете взять его уже сейчас.

– Не стоит, – отказался Поликарх, обернувшись в сторону тюков, один из которых был даже открыт, видимо, капитан проверял содержимое, – мы дождемся твоего возвращения. А этот груз пусть отправят на склад. Там его уже ждут.

Покрутившись в этом мире достаточно, Тарас уже был наслышан, что канаты изготавливают из волокон папируса и льна. Как выглядит папирус, Тарас более-менее понимал или думал, что понимал. Лен тоже представлял. Но почему Оратид и Поликарх называли его белым, не уразумел. Впрочем, когда разговор закончился, и капитан с геронтом направились обратно к сходням, Тарас из любопытства приблизился к открытому тюку. Запустив туда руку, он нащупал какие-то плоские упругие стебли, вернее волокно, явно выдержанное под грузом. А вынув руку, поднес ее к носу, почуяв до боли знакомый запах. Этот запах было ни с чем не спутать. С ним его впервые познакомил в прошлой жизни сержант Мамедов, предложив как-то раз после тяжелого дня на службе выкурить в туалете по беломорине со специальной начинкой. После того косяка рядовой десантник ощутил яркое чувство полета и единения с миром. Однако увлекаться не стал. Не уважал Тарас наркоту, даже легкую. Наркота – это для деби-

лов, с убогим сознанием, которые сильно хотят его расширить. Для Тараса лучшего стимула, чем хороший спарринг, было не придумать. Он подхлестывал себя физической нагрузкой в тренажерном зале и мордобоем на ринге. А спортивные ребята с наркотой не дружат.

– Так вот значит, что такое белый лен, – ухмыльнулся Тарас, отряхивая руку и направляясь вслед за геронтом, что уже спускался по сходням, – обычная конопля. Интересно, кто-нибудь тут знает, что из нее можно не только канаты плести.

Отпустив Оратида, они направились в арсенал.

– Так он привезет все, что нам нужно и никому не проболтается? – задал вопрос Тарас, хотя ответ был очевиден.

– Капитан предан мне и сделает все, как надо, – сообщил ему геронт, – кроме того, партия столь мала, что если дело откроется, никто не заподозрит, для чего все это понадобилось. А когда все это прибудет в Кифанту, я переправлю сырье к тебе в имение. И останется только сплести из него то, что ты хочешь.

– Осталось еще найти того, кто изготовит мне приличные торсионы, – кивнул Тарас, не обратив внимания, что отец понял его не вполне.

Заходя в арсенал сквозь строй охранников, Тарас уже ощущал себя заговорщиком. Он даже удивился мысли, что спасти Спарту приходилось втайне ото всех спартанцев. Но иначе было никак. Слишком быстро должны были произой-

ти изменения, а спартанцы очень не хотели менять своих обычаев. Это касалось и отношения к войне. Слишком долго им в головы вдалбливали, что драться можно только копьем и мечом. Ведь даже брать хорошо укрепленные города спартанцев не учили. Только биться в чистом поле в строю или один на один. Вот тут им не было равных. Но Тарас уже мечтал о том, как сделать свою новую родину еще сильнее. А это без изменения законов было невыполнимо. «Ладно, бог с ними, с законами, – решил Тарас, – для начала сделать бы, что задумал. Персов остановить, а там видно будет».

В арсеналах Кифанты все выглядело, как и везде, с одной лишь разницей – здесь Тарасу сразу понравилось. А поговорив с местными мастерами, он остался доволен. После долгих поисков задуманное дело начинало наконец получаться.

Всем процессом здесь командовали два периека с накачанными плечами, Поликрат и Еврон, давно привыкшие вращать в огне тяжелые болванки, стуча по ним молотком. Впрочем, они выполняли самую главную, «тонкую» работу придания оружию нужной формы. А для всего остального у них в услужении находилась целая армия подмастерьев и просто рабов, занимавшихся черновой работой. Пообщавшись пять минут в задымленном помещении, они вышли на воздух. Причем в здешнем арсенале мастера выходили подышать прямо на берег моря, что было приятно. Здесь, под шум волн, медленно заползавших на прибрежные камни, Тарас извлек свою пластинку с чертежом из-под кирасы и предъ-

явил ее переикам.

Взяв табличку, Поликрат внимательно изучил ее при свете трех факелов, торчавших из стены, презрительно хмыкнул, а затем передал Еврону. Потом оба о чем-то посоветовались в стороне и вернулись к «заказчику».

– Сделать можно, – не задавая лишних вопросов, проговорил кучерявый Еврон, вытирая черной от сажи рукой потное лицо, – тут много деревянных заготовок, но это мы найдем кому поручить. Есть толковые плотники, по лодкам работают.

– А металлические крепления сами выкуем, – добавил Поликрат, – держать будут крепко.

– Мне нужно, чтобы все было сделано очень крепко, – проговорил Тарас, поглядывая то на одного, то на другого мастера, – чтобы тройную нагрузку выдерживало. А деревянные балки не должны быть пересушены, а скорее наоборот. Гнули, но не ломались.

– Тогда их надо пропитать, а потом... – начал было рассказывать технологию Еврон, но, прервав сам себя, махнул рукой, «мол, незачем заказчику знать лишнее». – Да все сделаем. К ближайшему празднику Артемиды будет готово.

Тарас даже своим ушам не поверил. И тут же захотел поручить этим сметливым ребятам все собрать и провести испытания. Но передумал. В первой конструкции могли быть огрехи, а понять это можно было только после проведения учебных стрельб. Да торсионы еще предстояло сплести,

неизвестно еще, как тянуться будут. Так что лучше всего было делать все это уже на своей территории, в Пеллане или в имении геронта. «Лучше в Пеллане, – решил, поразмыслив, Тарас, – нечего к отцу привлекать лишнее внимание, и так пошел на преступление ради меня».

Тарас заказал им изготовить пока только одну метательную машину, да и то в разобранном состоянии. Конечно, мастера могли догадаться о том, что делают, но Тарас слабо в это верил. Ведь еще никто в греческом мире не производил ничего подобного. Так что они скорее могли принять это изделие за какую-то диковинную сельскохозяйственную машину, объединившую в себе телегу и лопату. Этакий комбайн за пятьсот лет до Рождества Христова.

Пока Поликрат, кликнув подмастерье с деревянной табличкой, аккуратно переносил на нее детали чертежа, Еврон деловито уточнил у геронта:

– Куда вам доставить все это, когда будет готово, господин Поликарх?

Тот взглянул на сына.

– Мы сами заберем, – ответил Тарас, вспомнив, что у отца здесь было немало должников, да и груз конопли с папирусом еще предстояло вывезти из того же порта.

– Отвезите все на склад у дальнего пирса, – подтвердил ход его мыслей геронт.

– А что делать с партией мечей для четырехсот гоплитов, – уточнил мастер, – она уже готова. Как и щиты. Все проверено

лично мною.

– Их ты можешь доставить сразу в Спарту, Еврон, – милостиво разрешил геронт, – ты знаешь, кому надо сдать оружие.

– Конечно, – поклонился мастер, – завтра распоряжусь.

Когда дело было закончено, они вновь вернулись в «адское» помещение, где клубился дым. Проходя мимо одной из печей вслед за мастерами, Тарас едва не стал жертвой несчастного случая. Какой-то из подмастерьев плеснул в печь жидкость из небольшого сосуда, но она, вместо того чтобы потушить огонь, вдруг полыхнула, словно чистый бензин. Пламя вырвалось из печи, как из огнемета, обожгло самого парня, еще двух подмастерьев и лизнуло алый плащ Тараса, который тут же загорелся. Под вопли обожженных, Тарас закрутился на месте, стараясь затушить горевшую на нем одежду и отчаянно матерясь по-русски.

Рядом с ним тут же возник один из мастеров. Упав на колени, он вдруг заголосил.

– Это мой сын, – взмолился Еврон, решивший, что он немедленно заколет мечом виноватого, как обычно поступали скорые на расправу спартанцы, – простите его, господин. Он по неразумению перепутал воду и горючую смесь из Эпидавра, которой мы иногда поливаем металл, чтобы жаркий огонь быстрее разогрел ее. Он будет наказан. Я сам жестоко выпорю его прутьями. Так, что он не сможет встать с постели несколько дней.

Но Тарас и не думал сердиться, настолько он был поражен горючей жидкостью. Полыхнуло словно из хорошего огнемета. Лицо, глаза и кожа на руках были целы – он как раз в то мгновение отвернулся в другую сторону. Сами подматерья пострадали гораздо больше. «Вот нам бы такую смесь для зарядов, – промелькнула в мозгу Тараса странная для этой ситуации мысль, – может, это и есть тот самый греческий огонь?»

Он сорвал с себя, наконец, тлеющие ошметки плаща, затоптав их, и перестал прыгать на одном месте. Оглядевшись, Тарас увидел, что геронт не пострадал, а обожженных пламенем уже утащили в другой конец задымленного зала.

– Успокойся, – приказал Тарас все еще стоявшему на коленях Еврону, – и встань. Я не буду наказывать ни твоего сына, ни тебя, если ты немедленно расскажешь мне, что это за смесь и кто ее изготовил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.